

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

НОЧНЫЕ ГОСТИ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ
ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева

Ночные гости

«АСТ»

2009

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л.

Ночные гости / Л. Соболева — «АСТ», 2009

ISBN 978-5-17-094848-2

Жизнь охотников за привидениями – Лили, Марата, Алика и Паши – опасна и трудна. Каждый день они ловят призраков и привидений, и не важно, что явления этих сущностей они инсценируют сами. Представляете, сколько ума, таланта и ловкости требуется, чтобы создать более-менее реалистичный призрак? Но однажды охотники за привидениями становятся свидетелями двойного убийства, и их жизнь резко усложняется. Ведь Лиле пришла в голову гениальная идея: она решила заработать на убийстве, шантажируя подозреваемых. И теперь милиция ищет убийц, а убийцы ищут Лилю... Книга также издавалась под названием «Одна жена – одна сатана».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-094848-2

© Соболева Л., 2009
© АСТ, 2009

Лариса Соболева

Ночные гости

© Соболева Л.

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

1

Лиля облизнула кроваво-алые губы, как будто только что напилась крови у предыдущей посетительницы. Заметив нерешительность клиентки, она подбодрила ее улыбкой, указав на стул:

– Прошу вас.

Старушенция приличного вида, а не побитая молью рухлядь. Она присела на стул перед Лилей, сложив на краешке стола костлявые пальцы с перламутровым маникюром цвета сливы и в перстнях. Минутную паузу, во время которой старушенция пристально изучала молодое, налитое, грудастое и прехорошенькое создание напротив, заполнили крики мальчишек во дворе, доносившиеся через раскрытое окно. Так ведь весна, первой на нее откликается детвора.

– Слушаю вас, – промурлыкала Лиля колдовским голосом.

В ее глазах отражалось редкое в наше время участие. После столь ласкового приема, помимо воли, захочется рассказать не то что о проблемах, но даже о тайных сторонах своей души.

– Видите ли, – смущенно начала старушка, опустив редкие ресницы в комочках, выпачканные, очевидно, некачественной тушью. Время от времени она их поднимала, чтобы проверить реакцию девушки с кроваво-красными губами и глазами сексуально озабоченной кошки. – В наш век трудно говорить о необычных явлениях, потому что... вам сразу вызовут карету «Скорой помощи». Иногда мне тоже кажется, что я не в своем уме, но врач сказал, мои мозги в полном порядке... Хотя я не называла истинных причин, по которым обратилась к нему...

Старушка замолчала, с затаенной надеждой впившись взглядом в хищные глаза Лили, одновременно она проверяла, насколько доходчиво объяснила свою проблему. Но красноволосая девица только блудливо улыбалась, словно перед ней сидел видный мужик.

– Я слушаю, слушаю, – подбодрила она клиентку. – Как вас зовут?

– Евдокия Даниловна. Ну вот... – продолжила та, подыскивая слова. – У меня квартира большая, живу я в ней одна и... Последнее время у меня возникло ощущение, что я не одна в квартире... Вы понимаете меня?

– Конечно, – закивала Лиля, наверняка не понимая, на что намекнула миленькая старушка. – Вы обратились по адресу, мы занимаемся подобными проблемами, поэтому говорите откровенно, вас никто не поднимет на смех и тем более не вызовет вам карету «Скорой помощи».

– Спасибо. Это началось совсем недавно, с месяц... Сначала я слышала стоны... – Лиля начала записывать, Евдокия Даниловна, поняв, что ее слова действительно не воспринимаются как бред шизофреника, оживилась, придвинула стул ближе. – Поймите, слышать странные стоны – это очень неприятная штука. Мне страшно стало, я не сплю ночами... Но я не

одна слышала стоны! Да, жилыцы этажом выше тоже их слышали... Этажом ниже тоже... Но они все пожилые люди, у меня возникло чувство, что мы все... немного сдвинулись.

– Стоны какого характера? – спросила Лиля.

– Простите, не поняла, – виновато улыбнулась бабуля.

– Ну, стоны тоже бывают разные, – принялась объяснять Лиля. – Болевые... когда стонут от боли. Бессознательные, сексуальные...

– Вот-вот! – вскинулась старушка. – Эти самые. Похожие на сексуальные, но такие дикие, просто рев какой-то... э... приглушенный. Словно тому, кто стонет, не дают стонать. Моя сестра говорит, это старческие галлюцинации. Неужели у всех разом?

– В каком месте слышали стоны?

– На кухне. А позавчера... я живу на третьем этаже в сталинском доме, третий этаж – это высоко. Так вот, позавчера у меня была открыта балконная дверь, и вдруг... в комнату влетела кошка. Слышали бы вы, как она орала... Я уснуть не могла, валидол пила горстями.

– Куда делась кошка?

– Улетела.

– Улетела... – записала Лилия, ничуть не удивившись такому необычному явлению, как полет кошки. – Куда?

– Туда же, откуда она появилась, – на улицу, через балкон. Подруга дала мне газету с вашей рекламой, я приехала за помощью.

– Мы поможем, не беспокойтесь.

– Спасибо, – растрогалась старушка. – А когда вы приедете ко мне? Нельзя ли прямо сегодня? Я вам не все рассказала...

– Минуточку... – Лиля набрала номер. – Алик, скажи, у тебя сегодня много точек?.. Не возьмешь еще один адрес?.. Нет, дорогой, Марат не сможет, у него сложный случай, кстати, твоя помощь тоже понадобится... Ну, посмотреть-то я могу, а толку? – Она послушала трубку еще некоторое время, затем, положив ее на стол, сказала Евдокии Даниловне: – Только завтра.

– Что же, мне опять не спать? – расстроилась бабуля, надув тонкие губы, накрашенные яркой помадой, далеко выходящей за границы рта.

– Переночуйте у сестры или подруги, а завтра мы приедем.

– Сколько я вам должна?

– Оплатите только вызов и диагностику квартиры, основную сумму выплатите после того, как наши специалисты избавят вас от проблем. Пенсионерам у нас скидка пять процентов. И не забудьте забрать квитанцию.

Евдокия Даниловна положила квитанцию в сумочку, попрощалась и вышла, окрыленная надеждой.

Он многое делал не так. Не так, как самому хотелось бы сделать. Потому что есть шкала, по ней оцениваются твои возможности, которые, в свою очередь, определяют твое положение, и задача всякого полноценного человека вскарабкаться по этой шкале как можно выше. А восхождение проходит через «не так» и «наплевать». Для чего были нужны все эти титанические усилия? Сейчас он уже не ответил бы, потому что тогда Валерьян Юрьевич был одним человеком, сегодня он уже другой. И сейчас он думал, обходя домину: «На хрен он мне нужен? Чтобы каждый день видеть агрессоров в полном составе?» Агрессоры – родные детки, а их у него пятеро – три сыночка и две лапочки-дочки. Почти все намерены жить с ним в одном доме со своими детьми, няньками, родней – братьями, сестрами, тещами...

– Тьфу, – досадливо сплюнул Валерьян Юрьевич.

– Простите, что? – повернулась риелторша.

Она сделала вид, будто не заметила, что он плюнул на пол, инкрустированный вставками, выполненными из экзотических пород деревьев, самих таких деревьев, кажется, в природе не

существует. Спрашивается, зачем было инкрустировать пол, по которому топчутся, экзотическими породами? Кто скажет? А не скажет даже тот, кто заказывал бессмысленно дорогуший паркет!

– Я кашлянул, – сказал Валерьян Юрьевич, ничуть не смущаясь ни по поводу плевка на пол, ни по поводу своего вранья.

Риелторша поплыла по гостинной, виляя задом размером с корму «Титаника», одновременно рассказывая:

– Камин в английском стиле. Впрочем, как в старых английских домах викторианской эпохи, в этом доме во всех спальнях комнатах есть камин, помимо обычного отопления...

Ух, как она про эпоху-то ввернула! Скромненько, но выделила паузами, после на клиента зыркнула. Наверное, думает, Валерьян Юрьевич выпотрошит банковский счет только из-за эпохи. А он вернулся мыслями к агрессорам, которые мечтают быть ближе к его кошельку и пить из папочки кровь, хотя пить уже нечего – всю вылакали. Они настояли на покупке дома, чтобы жить дружной семьей.

Он приехал на смотрины и недоумевал, зачем согласился на эту самую дружную семью. Потому что кругом показуха. Липа кругом – липовые показатели достижений, липовые товары, липовые отношения и друзья, даже дети демонстрируют липовую любовь к родителю, а родитель – к ним.

Но дом хорош, тут ничего не скажешь – большой, светлый, современный, в то же время напоминает модную старину. Только повсюду видны следы прежних хозяев, от этого дом выглядит заброшенным. Разумеется, усадьба в экологически чистом районе за городом, по соседству высятся такие же домишки в два-три этажа, окруженные практически лесом и заборами до небес, в общем, место не безлюдное, но Валерьян Юрьевич высказал недовольство:

– Далеко от города.

– Ну что вы! – вытаращила чрезмерно накрашенные глаза риелторша. – До города полчаса езды, максимум минут сорок, если плестись как черепаха. А вид какой, посмотрите! Такие пейзажи встречаются только на картинках. Идемте, идемте...

Не нравилась ему и риелторша – явно шлюха на пенсии, не нравилась ее одежда, подчеркивающая бугорчатые формы, набитые утрамбованным жирком, и особенно не нравился замороженный студень на ляжках, видимый сквозь длинный разрез юбки. Валерьян Юрьевич далеко не стройный, можно сказать, очень далеко не стройный, но дряблых, молодящихся баб не выносит, усматривая в них дешевую подделку. Он большой – не достать до макушки, широкий – не охватить, из-за величины ему и дают много больше пятидесяти трех. Характер... У него нормальный характер – лично ему нравится. Люди с мягкими характерами и с его положением не доживают до его лет, а он еще намерен пожить. Какая-то неизвестная сволочь прицепила ему кличку Кувалда. Это что значит? Валерьян Юрьевич остолеп, тупица, грубый невежа, да? Несправедливо. А несправедливость порождает озлобленность, разве нет?

Вид открылся так себе: внизу протекала обычная река, до безобразия заросшая камышом, сам же дом с тыла вовсе представлял собой унылое зрелище. Он был удручающе запущен. Бывшие хозяева не заштукатурили с этой стороны стены, повсюду стояли железные бочки, валялись деревянные носилки, лестницы, ведра, сваленные кое-как кирпичи, грязь. Но Валерьян Юрьевич пока якобы этого не заметил, а, кивнув в сторону реки, предположил:

– Наверно, гадюк полно.

– О гадюках не слышала. Ужи есть, не скрываю, но они же не опасны. Если вас смущает камыш, то... его заросли как раз и говорят об экологически чистом месте (слово «экологический» она употребила за время осмотра раз двести). Всем известно, что камыш является естественным очистителем водоемов, поэтому...

– Здесь негде купаться, – продолжил выдвигать причины, по которым он не хотел покупать дом, Валерьян Юрьевич. – Берег в болото превратился...

– Разве для вас это проблема? – залилась смехом потаскушки риелторша. – Пригласите бригаду рабочих, они вам за день очистят берег, насадят водяных лилий и устроят пляж, как в пятизвездочном отеле на Мальдивах.

Ее послушать, так все пустяки. Только на эти пустяки надо чемодан баксов вывалить. Теперь Валерьян Юрьевич якобы только сейчас заметил заднюю стену, черты его лица сложились в тоскливую гримасу, на что риелторша сразу же отреагировала:

– Думаю, эту часть рабочие успеют завершить до вашего переезда.

– Если дом такой хороший, почему его продают?

– Видите ли, хозяин ввиду сложившихся обстоятельств вынужден был покинуть страну...

– Сбежал, – резюмировал Валерьян Юрьевич.

– Можно и так сказать. Его жена намерена продать всю недвижимость и уехать к мужу, – закончила она и, понимая, что Кувалда не догоняет, как ему повезло, добавила: – В общем-то дом она отдает за бесценок, потому что торопится выехать. Ну а район, сами видите, не для среднего класса. Кстати, здесь рядом конюшня.

– Это мне еще зачем?

– Верховой ездой заниматься. Сейчас модно.

– Не родилась еще та лошадь, способная возить меня, – мрачно пошутил он и повернулся на визг.

– Па! Па, это же рай! – визжала младшая агрессорша, едва не вываливаясь из окна. – Па, я выбрала себе комнату. Эту.

Она выбрала! Они всегда выбирают. Только вот платит он. А они снисходительно подшучивают над ним, когда папа не то скажет или сделает что-либо не так, высокомерно переглядываются и усмеваются, мол, папа – маразматик. По их мнению, он безнадежно отстал и постарел, хорош лишь тем, что дает бабки, без которых им цена – медный грош. Валерьян Юрьевич улыбнулся дочери одной половинкой рта, вторая половинка не нашла сил для улыбки, и с мечтательной надеждой, озадачившей риелторшу, спросил:

– А наводнения здесь бывают?

Хорошо бы всех разом одной волной... М-да, ни одному человеку Валерьян Юрьевич не сознался бы, о чем иногда грезит в часы досуга, которых выпадает мизерно мало.

– Наводнения? – растерялась риелторша, вычисляя в уме, какой ответ будет угоден клиенту. – О наводнениях... Такой вопрос слышу впервые... Нет, что вы! Скажете тоже: наводнения! Откуда?

– Оттуда, – указал он одними глазами на реку. – Из того болота.

– Ха-ха-ха! – залилась она искусственным смехом. – Что вы, какое болото? Это река. Рукав. Почти нет течения. Ваша дочь права: это рай.

– Очень дорогой, – заметил Валерьян Юрьевич.

– А где вы видели дешевый рай? – устало спросила она. – Даже чтобы попасть в небесный рай, тоже надо немало потрудиться, например, не грешить. Согласитесь, это дорогая плата за гамак в неизвестном месте, откуда еще никто не возвращался. А вам предлагается роскошный дом со всеми удобствами, река в двух шагах, лес тоже, дороги отличные – что еще надо?

– Папа! – В окно второго этажа выглянул старший агрессор от первого брака. – По-моему, дом стоит тех денег, которые за него просят.

Валерьян Юрьевич согласился купить только потому, что: откажись он – его заедят, запилят, забьют, заклюют, задержат нытьем и упреками. Он их не боится, нет. Просто хочет покоя, о, как он хочет покоя! Чтобы тихо, безлюдно, бездетно... И думал, идя к автомобилю: «Когда же я буду делать то, что хочется и нравится мне?»

На следующий день бригада сталкеров (расшифровку этого слова Евдокия Даниловна решила позже посмотреть в словаре) была на месте в точно назначенный час. В квадратной

прихожей два молодых человека, по-деловому собранных, разложили всяческие приборы и рамки на паркетном полу, размотали мотки проволоки. Один из них отдавал приказы, доставая фольгу в небольших рулонах:

– Начни с кухни, а я обследую комнаты. Вентиляционную трубу проверь, если там есть заряд, ищи портал.

Евдокия Даниловна жалась к стене, ее сестра – бабуля с фиолетовыми волосами и чуточку помоложе – оказалась более любопытной, она просто нос засовывала в сумку охотника за привидениями, время от времени задавала вопросы:

– А для чего фольга? А это что? А для чего это?

Но сероглазый охотник был поглощен исключительно приготовлениями, когда же бесконечные вопросы бабули его достали, он спросил:

– Бабушка, вы чем занимались в прошлом?

– Меня зовут Ангелина Даниловна, – презрительно бросила та. – А была я, молодой человек, балериной кордебалета.

Представилась так, будто танцевала под псевдонимом Майя Плисецкая.

– Отлично. А меня зовут Алик. Скажите, вы всем зрителям рассказывали, как называются ваши па и зачем они нужны? (Престарелая балерина приоткрыла накрашенный сиреневой помадой ротик. Она испытывала затруднение, потому что не помнила подобных разговоров.) Ну, вот видите. Так и мы: посторонним не открываем своих секретов.

Он зажег свечу в подсвечнике и стал обходить комнаты, двигаясь вдоль стен. Старушки легко и бесшумно – словно не одна, а две балерины, – скользили за ним, пытаясь уловить то, что, как иногда казалось, улавливал он. Точно так же они прислушивались к стенам, поднимали вслед за Аликом глаза к потолку и рассматривали потеки, за которые стоило поблагодарить негодяев соседей сверху, затопивших Евдокию Даниловну и отказавшихся выплатить компенсацию за ущерб, она теперь с ними судится.

– Вы снимаете и сглаз, и порчу? – спросила бывшая балерина с оттенком подозрительности в голосе.

– Не-ет, – заржал Алик, давая понять, что бабуля сморозила глупость. – У нас более прозаичная работа, не связанная с колдовством и магией.

– Вы считаете, привидения и призраки не связаны с магией и колдовством? – поинтересовалась дотошная Ангелина Даниловна.

– Конечно, нет, – улыбнулся Алик чертовски обаятельной улыбкой, несколько смутившей старушку. – Призраки и привидения, Ангелина Даниловна, не что иное, как существа из параллельного мира, который состоит из других материй. Например, мы сейчас с вами говорим, а через нас идет поезд. Мы его не ощущаем и не видим, вреда он нам не причинит, потому что в том мире все устроено по-другому. Но случается, сущности оттуда навещают нас, они более развиты в техническом плане, умеют воплощаться в те образы, которые представляют люди из нашего мира.

Она надулась. Эта молодежь разговаривает с пожилыми людьми будто с недоразвитыми. А ведь не успеют оглянуться, как в зеркале увидят морщинистую образину, на которую плюнуть захочется, и только сознание, что образина-то твоя собственная, удержит от грубого поступка. Тем не менее Ангелина Даниловна не подала виду, что слегка рассержена, внимательно слушала Алика.

– Мы работаем с параллельным миром, а что вам там бабки всякие наворожат, я не знаю. Мне кажется, они людей попросту дурачат.

– Алик, у тебя как? – послышался голос из кухни.

– Ничего, – откликнулся он. – Иду к тебе.

В кухне молодые люди сдвинули мебель на середину и присели на корточки у внушительной дыры в полу, через которую раньше проходила труба.

– Ремонт давно был? – спросил второй охотник, молоденький, чернявенький и хорошенький, его звали Марат.

– Неделю назад закончился, – ответила Евдокия Даниловна. – Еще не все щели с дырами успели залатать, а меня уже залили.

– Так вот, нет у вас признаков аномальных явлений. А стоны, бабушка, доносились снизу, где занимались, пардон, сексом.

– Там же кухня, – вытаращила маленькие глазенки Евдокия Даниловна.

– Ну, кому где нравится, тот там и занимается сексом, – разведя руки в стороны, поднялся с корточек молодой человек.

– На кухне этим самым? – приподняла плечи и брови Евдокия Даниловна, брезгливо опустив уголки губ вниз. – Для этого же кровать есть... А как кошка влетела ко мне через балконную дверь?

Она не желала расставаться с мыслью о поселившихся в ее квартире привидениях.

– Либо кошка вам привиделась, либо кто-то неудачно пошутил, – сказал Алик. – Вон смотрите: напротив балкона дерево, кстати, очень близко к дому стоит. Мальчишки, наверное, залезли на него и бросили вам кошку на веревке, потом вытянули ее назад. А мы не можем бороться с привидениями, которых у вас нет.

– Сколько я вам должна? – разочарованно протянула хозяйка квартиры.

– За вызов вы заплатили, больше ничего не должны.

Когда дверь за охотниками закрылась, Ангелина Даниловна на цыпочках подплыла к сестре и шепотом сказала:

– Дусик, проверь, на месте ли твои драгоценности.

Евдокия Даниловна мигом засеменила в спальню, открыла комод и откуда-то со дна достала шкатулку, приподняла крышку:

– Все на месте. Это нормальные люди, к тому же мы неотлучно находились с Аликом.

– А все же перепрячь в более надежное место, – дала совет практичная сестра.

– Мне никак не дают покоя стоны... – задумалась Евдокия Даниловна. – Заниматься любовью на кухне... На чем они лежат? Не на полу же!

Вопрос, конечно, дурацкий, но всему есть объяснение: о плотской любви Евдокия Даниловна знала чисто теоретически, ибо осталась непорочной, тему считала настолько постыдной, что даже глаза закрывала, если по телевизору показывали эротические сцены.

– На столе, – с видом знатока ответила сестра. – Или вообще стоят.

Ну, она балерина, ей видней, где и как удобно делать детей, хотя чего у нее нет – так это потомства, Ангелина всю жизнь занималась великим и прекрасным – искусством кордебалета.

2

Прошло уже полторы недели кошмара под девизом «обустройство», а конца ему не было видно. Валерьян Юрьевич не принимал участия в спорах, где и что будет находиться, решения принимались без него, он отмалчивался. Когда спорщики яростно делили его мебель, мол, финский гарнитур будет стоять на втором этаже в комнате Наденьки, а итальянский спальный – в комнате для гостей и так далее, он давал им время договориться, после чего молвил свое слово: будет так и так. И кулаком по столу – бабах! Варианты Валерьяна Юрьевича были жутко непрактичными и нелепыми, но это же назло. Детки, почуяв в папе бунтарский дух, не смели возражать, но у главных распорядителей его собственности рожи были двое суток злые.

Наступило раннее утро выходного дня, Валерьян Юрьевич встал затемно. Дом спал, как и прислуга, которую перевезли с вещами и мебелью. Валерьян Юрьевич взял приготовленные удочки, спустился по каменным ступеням к реке и пошел вдоль берега, выбирая место. Ну и болото! Еле нашел удобный участок, откуда можно забросить удочку. Червей накопил непод-

леку, пристроив фонарик, чтобы луч падал на землю. Накопал немного. Сел на раскладной стульчик, едва не раздавив его, замер с удочкой в руках. Удочки купил только вчера и толком не умел ими пользоваться, потому что много-много лет не удил рыбу. Раньше-то и удочек таких не было, а уж цен запредельных – тем более. Нет, вдуматься: какая-то складная палка стоит четыре тысячи! Фирменная, видишь ли, бренд! Еще не самая дорогая – с ума народ посходил! Валерьян Юрьевич пришел на берег потому, что появилась потребность посидеть в тишине, не слышать и не видеть никого, понаблюдать за рассветом или... просто понаблюдать. Не думать. Быть самим собой – этого он лишен.

Посветлело. Над ровной гладью воды клубился утренний туман, с первыми лучами солнца он рассеется, улетучится загадочность и за белой пеленой предстанет неинтересный пейзаж на противоположном берегу. По всем приметам день будет теплым, возможно, жарким, солнечным и безветренным. Валерьян Юрьевич наслаждался тишиной и той непритязательной красотой вокруг, о которой не расскажут ни в одном туристическом справочнике, потому что нечем здесь завлекать туристов. Мелькнула мысль: неплохо бы воспользоваться советом риелторши и соорудить нечто вроде причала, купить катерок, на нем уплывать по реке одному и балдеть, балдеть... как сейчас.

Долго не клевало, он проверил крючки, а червяков нет.

– Неужели здесь рыба водится? – проворчал озадаченно.

– Водится, водится, – нежданно раздался хриплый мужской голос.

Чтобы посмотреть, какая сволочь нарушила его волшебный покой, Валерьяну Юрьевичу пришлось повернуться всем корпусом, так как его голова на шее не вертелась давно. Шагах в десяти от него стоял деревенский худой мужик постарше Валерьяна Юрьевича лет на десять, хотя по пропитой роже было сложно судить, сколько ему лет на самом деле. Щетина на его подбородке и щеках росла кустами, но усы были густые, желтоватого цвета. Мужик достал папиросу, закурил и, хотя Валерьян Юрьевич не просил, рассказал:

– Раньше-то здесь и щук ловили по два метра, и сомов, а теперь одна мелочь осталась. Но на жареху с ущицей наловить можно. Тебе много надо?

Вообще-то Валерьяну Юрьевичу рыба была не нужна, впрочем... рыба нужна, когда люди становятся ненужными.

– Я... так просто... – сказал он.

– А... – понял мужик, подходя ближе. – Ты, видно, с отдыхом сюды ехал. Выпить есть?

– Кофе с коньяком.

– Ух ты! – вытаращился мужик. – На что продукт переводить? Коньяк и без кофе сгодится. Однажды сдавал полдома отдыхающим, так угощали коньячным напитком... ммм! Хороший, хороший. А я самогон варю лучше всякой водки. От водки ласты склеивают, а от моего самогона тока польза. К кому приехал-то?

– Живу теперь здесь, – промямлил Валерьян Юрьевич, досадуя, что мужик помешал ему. – Купил вон тот дом.

– Это у Пищика, что ли? А сам он сбег, ага. Наворовал и сбег. Вот ты скажи... – Мужик присел на корточки рядом с Валерьяном Юрьевичем, от него несло перегаром и навозом, в общем-то запахи здоровые. – Почему так: украл четыре доски – ты вор и тебе тюряга полагается. А украл миллионы, которые и в сумке не поместятся, – ты аллигатор и уважением пользуешься?

Валерьяну Юрьевичу нечего было ответить, он ведь из этих – аллигаторов (мужик наверняка имел в виду олигархов) с тем лишь отличием, что миллионов в сумке не крал. Просто взял у государства кусок площади, когда все брали, но это неважно, он и пожал плечами, мол, не знаю.

– Место тут хорошее, – выпрямился мужик. – Тока нечистый его любит, ага.

– Нечистый... Черт, что ли?

– Он самый. Тут деревень раньше много было, а кладбище одно на всех. В этом месте и располагалось. А чё, на возвышенности, всем видать. На кладбище и стоит твой дом, и соседи твои живут на кладбище. Говорят, покойники иногда погуливают, ага. Сам не видал, но слышал.

Люди все суеверные, не суеверный только Валерьян Юрьевич. Он фыркнул, показывая, что не верит во всякую чушь. А мужик презабавный попался, представился Тарасом Панасовичем, пацаны деревенские его прозвали...

– Панасоник, ага, – рассмеялся он и зашелся утренним кашлем заядлого курильщика. – Говорят, Панасович заковыристо. Мой батька, его Панасом звали, после войны с Украины сюды переехал, к другу-фронтовику, вот и живем с тех пор...

Он молот еще долго про всякую невидаль, будто бы деревенские стороной обходят это место, а всех, кто живет здесь, считают пособниками нечистой силы. Посмеялся Валерьян Юрьевич, а давно не смеялся, поделился кофе с коньяком, поспрашивал, на какую приманку рыбу ловить. Панасоник пообещал завтра же принести макухи в обмен на сто грамм. На макуху, сказал, ловится лещ, а повезет, так и рыбец на крючок подцепится, а чтобы шуку ловить, лодка нужна.

На завтрак домочадцы сходились как на галеры – заспанные, кислые, медлительные, скучные. И так теперь будет изо дня в день. Валерьян Юрьевич терпеливо ждал их, наклонив голову и следя исподлюбья за каждой особой, пока та не опустит зад на стул. В нем давно зрел бунт, тянуло выкинуть нечто такое, от чего они долго не придут в себя и все до единого разбегутся. Тогда этот дом станет родным и любимым, потому что опустеет. Покойники не в счет, в дом покойники вряд ли зайдут, да и вообще, с ними можно договориться, а с детками – никогда.

Старший сын Владимир, габаритами скоро сравняется с отцом, этот хоть не вечно будет здесь торчать, у него квартира огромная в городе (купленная на папины деньги). Но притащился. Правда, без тупой и сварливой истерички жены и двух невоспитанных детишек, которые с пеленок усвоили одно слово, воспроизводимое ими каждый раз при виде деда, – дай.

Старшая дочь Надя с мужем Геннадием... Где она этого дохляка подцепила? Гибрид облезлого кота с выхухолью. На нее любо-дорого посмотреть: высокая, полная, сладкая. И рядом – это! Ни то ни сё. Но она у него под пятой! Грызутся как собаки, только шепотом – папы боятся. Пока боятся.

Еще два сына от второй жены Клим и Мирон – погодки, красавцы, по всем статьям не в папу. Иногда Валерьяна Юрьевича посещают подлые мысли: а мои ли это сыновья? Да нет, его отпрыски, судя по напору и упрямству, которые не умеют направлять на мирные цели. А Валерьян Юрьевич умеет. Недавно женились на родных сестричках Миле и Маше, девочки тихие, скромные, но это пока. Войдут во вкус и тоже облаглют.

Влетел главный мародер – Екатерина Единственная. Что там русские царицы – Первая и Вторая! Им бы у его младшей доченьки поучиться, как всех строить по ранжиру. Чадушко решило, что она пуп земли, в свои девятнадцать, не заработав ни рубля, тратит каждый день суммы размером со среднюю пенсию. Это называется мелкие расходы.

Последнее явление – жена. Протест Валерьяна Юрьевича начался с женитьбы, назло деткам женился и выбрал жену, как положено бизнесмену, – молодую дуру. Она-то, конечно, не дура, раз приклеилась к Валерьяну Юрьевичу, но разговаривать с ней не о чем, кости тискать нет желания, он бы развелся за милую душу, да кто же деток будет злить? Светлана уселась рядом с главой, небрежно, как и подобает хозяйке дома, сказала:

– Эта столовая требует особого интерьера, я присмотрела обеденный стол. Итальянский, полировка – супер, и недорого: шестнадцать тысяч евро.

Валерьян Юрьевич лишь посмотрел на нее без выражения. Девушка совсем рехнулась от свалившегося счастья – стол ей подай за... Он сосредоточенно размазывал масло по ломтю

белого батона, а жена по движениям его ножа и сжатым челюстям определила, что настроение мужа испорчено, посему внесла уточнение насчет суммы:

– Вместе со стульями шестнадцать тысяч. Но нам нужно два стола...

– Да это же совсем даром, – съехидничала Наденька. – Ты работать не пробовала? Не пробовала заработать на столик со стульчиками?

– Как и ты, – мягко отпарировала Светлана, натянув безобидную улыбку.

Входя в дом на правах жены, она была готова к подковыркам, желчи, злобе, хамству, а то и к открытой ненависти, как у Катки. Но груз мачехи оказался непосильной ношей – деток слишком много, все они мечтают справиться по папочке поминки и поделить его империю. Не стоит задаваться вопросом, что они мечтают сделать с мачехой. Так ведь и Света, изредка впадая в депрессивное состояние от концлагерной обстановки, подавляет жгучее желание перебить падчериц и пасынков из охотничьего ружья.

Остальная часть завтрака прошла в глубоком молчании, потому что глава семьи, стоило жене еще раз напомнить про итальянский стол, взял из горки на тарелке пяток вареных яиц (сколько поместилось в руку) и саданул ими об инкрустированный породистый пол. Яйца, сваренные всмятку, растеклись по паркету желто-белыми потеками. Глаза у всех за столом стали одинакового размера, а глава семьи абсолютно спокойно продолжил поедать завтрак, запивая его кофе. Семейство переглядывалось с недоумением, не понимая, что случилось с папенькой. Даже Катя уловила взрывоопасную атмосферу и, поскольку собралась клянчить у отца деньги, воздержалась от комментариев.

– Ну, вот, вот! Здесь он стоял.

Женщина климактерического возраста, но борющаяся с первыми признаками старости всеми возможными и невозможными способами, встала туда, где, по ее словам, появился призрак ее мужа, и потрясла руками, указывая на пол. Лицо ее пылало, подбородок трясся, в глазах дрожали искренние слезы.

– Из подпола возник? – осведомилась Лиля, обходя веранду.

– Я не знаю, откуда он возник, – трясло Гертруду Викторовну. – Не видела. Не помню. Сначала заметила его в цветнике. У меня там розы растут в рост человека. Смотрю – что-то не то. Присмотрелась – человек! Потом в окне появился. Я лежу, а он заглядывает...

– Лицо видели? – поинтересовался Алик.

– Лицо было... – задумчиво подтвердила она, припоминая. – Знаете... размытое такое... вроде бы человеческое, но черты стерты... даже объяснить не могу. А позавчера прямо на веранде... Я поужинала, пошла за чайником, вхожу... а тут свет погас, телевизор только работал. И вдруг он!!! В белом!!! Как раз здесь стоит, где я сейчас. Берется за край скатерти, и... все на пол. Я пошевелиться не могу от страха, а он руки ко мне протягивает. Я пулей в дом, закрылась, позвонила подруге. Пока та не приехала, меня трясло.

От волнения Гертруда Викторовна теребила на груди шелковый халатик и кусала губы, тогда как бригада из трех человек, назвавших себя сталкерами, разбирала привезенные сумки. Гертруда Викторовна была рада, что среди них есть Лилия, а то неудобно взрослой женщине чертовщину плести, в которую даже она, пережившая весь этот кошмар, до конца не верит. Впрочем, и молодые люди, Алик с Маратом, произвели на нее благоприятное впечатление. Оба высокие и внешне хоть куда (особенно Алик, которому где-то под тридцать, Марат помоложе), оба серьезные, вдумчивые и не насмеются над ней.

– Да, вот еще что! – вспомнила она. – Однажды я приехала, а в моей комнате в комод открыты ящики. Я закрываю их на замок, а где лежит ключ, знал только муж. Представьте: моя коробочка пуста, украшения лежат на комод. И самое смешное – дом был закрыт. Я никогда не оставляю украшения, всегда прячу.

– Что-нибудь пропало? – осведомился Марат.

– В том-то и дело, что все цело. Просто валялось на комод... разбросанное. Я почему-то подумала, это муж. Вор забрал бы все, не так ли?

– Да, это ваш муж проказничает, – сказала Лиля, чуточку похожая на очаровательную ведьмочку.

– Но он же пугает меня. Мы жили душа в душу...

– Он не думает, что пугает вас, – возразила Лиля. – Он хочет дать вам знать, что с ним все в порядке. Украшения муж дарил?

– Да, – всхлипнула Гертруда Викторовна. Видимо, пожалела покойного мужа. – Еще от мамы осталось немного. А когда Бобик умер... прободение язвы было... он при жизни основывал перерабатывающее предприятие, мы коптим рыбу, солим, маринуем... когда он умер, я продолжила его дело. Прошу вас, избавьте меня от этого кошмара! Хотя это и муж, и прожили мы с ним почти тридцать лет, а мне страшно. Я и священника приглашала, и этого... изгоняющего духов...

– Экзорциста? – подсказала сведущая в подобных делах Лиля.

– Может быть, – закивала она. – Только ничего не помогло.

– О, – протянула Лиля, – экзорцисты в основном шарлатаны, ведь заклинаниями духов не выгонишь. У нас научный подход к данной проблеме.

– Вы моя последняя надежда. Мне порекомендовала вашу фирму Евдокия Даниловна, ну, к которой кошка прилетала. А если не получится?

– Трудности в нашей работе встречаются, но, надеюсь, мы их преодолеем, – сказала Лиля. – Ваш случай хотя бы не смертельно опасный.

– А что, и такое бывает? – ужаснулась Гертруда Викторовна.

– Еще как! – подал голос Марат. – Встречаются и крайне агрессивные призраки.

Началось завораживающее таинство, заставившее клиентку примолкнуть. Алик поджег свечу и теперь обходил с нею дом, начав со второго этажа. Одновременно он глядел на компас во второй руке. Гертруда Викторовна следовала за ним. Пришли в гостиную, вдруг свеча погасла.

– Есть, – произнес Алик азартно, не отрывая горящих глаз от компаса. – Портал. Открыт и действует, хоть самому ныряй на ту сторону. Редко такой портал встречается.

– Неудивительно, – сказала Лиля. – Поселок построен на кладбище, что облегчает выход призракам. Я проверяла, тут кругом аномальные зоны.

– Продам дом, – приняла решение Гертруда Викторовна.

– Подойдите и взгляните, – пригласил ее жестом Алик.

– Это не опасно? – не решалась приблизиться она.

– Нет-нет, – слегка подтолкнул ее Марат. Все окружили Алика, стрелка на компасе вертелась между четырьмя частями света. – В этом месте вход в другое измерение, через которое ваш муж приходит к вам и возвращается обратно.

– Боже мой! – едва не упала в обморок Гертруда Викторовна. – Он что же, когда угодно может прийти? И днем?

– И днем, и вечером, и рано утром, – нагонял на нее страху Алик. – Но обычно призраки выбирают ночное время как самое спокойное для них. Им ведь тоже не нужна шумиха, их наказывают за прогулки по нашему измерению. Неси, Марат, фольгу и столбики.

Определив границы невидимой дыры в преисподнюю, Алик с Маратом установили столбики, натянули фольгу, огорожив таинственный невидимый портал.

– Мы аппаратуру оставим у вас до вечера? – засобирався Алик. – Вечером придем ловить его.

– Ловить? Как это? Вы собираетесь задержать его в нашем измерении?

Последнюю фразу она почти выкрикнула, в голосе ее звучал ужас. Она явно желала оставить призрака мужа в той дыре, откуда он приходит.

– Нет-нет, мы только пуганем его, – улыбнулся Марат. – После этого он больше не будет приходить к вам. Сами увидите.

– Пожалуй, я тоже до вечера побуду у приятельницы, – не захотела рисковать Гертруда Викторовна. – Прошу вас, подождите меня, я переоденусь.

Лиля во дворике раскачивалась в гамаке среди ароматов цветника, Алик с Маратом смотрели в бинокль с пригорка на реку и поселение местных богачей.

Домовладение Гертруды Викторовны миниатюрное – дворик махонький, да и домик не потрясает размерами, он словно вырезан из дерева искусным умельцем. Но ухоженность, рациональное использование мизерного клочка земли и хороший вкус вызывали белую зависть. Конечно, обустройство требует немалых денег, одни только кусты в громоздких контейнерах и подвешенные корзины с цветочками – каприз весьма дорогой, не говоря о маленьком водоеме с фонтанчиком. А вид какой изумительный! Река. Заросли камыша. И кругом домишки в два, три, а то и в четыре этажа, огороженные простецкими заборчиками, диссонирующими с минидворцами. Наверное, денег не хватило на ограды из кованых кружев.

– Простите, Лиля, – спускаясь по ступенькам, обратила на себя внимание Гертруда Викторовна. Она облачилась в белые брюки и белые туфли на высоком каблуке, с ее плеч ниспала до колен воздушная цветастая туника, женщина кончиками пальцев придерживала широкополую шляпу. – Моя подруга тоже страдает от... сущности с того света. Не могли бы вы заехать к ней?

– Давайте сначала решим вашу проблему.

– Да, да, вы же очень заняты, я слышала, – уважительно произнесла Гертруда Викторовна, идя к гаражу. – А какую сумму мне приготовить?

– Ваш случай третьей степени сложности, поэтому работа стоит три тысячи евро.

– А что, бывает сложность и выше? – Гертруда Викторовна явно была шокирована названной суммой.

– И пятой, и шестой, и даже восьмой, – закивала Лиля. – До четвертой мы повышаем стоимость наших услуг на тысячу евро, а с четвертой – на две.

– М! – повела бровью Гертруда Викторовна, понимая, как ей повезло со степенью сложности. – Спасибо, что подождали.

– Вас подвезти? – предложил Марат.

– Нет-нет, я на своей машине. До вечера.

3

Валерьян Юрьевич позаботился о будущем досуге: нанял рабочих. Не сам, конечно. Секретарь привез их в новый дом вместе с материалами, неделю ребята трудились, закончили в субботу. Для кого-то суббота выходной, но для многих это трудовой день, сулящий заработок, который не каждый упустит, так как другого может не быть очень долго. Мастера соорудили небольшой причал, завтра утром сюда пригонят катер, так сказать, с доставкой на дом. Только от этого жизнь не станет лучше, чище, светлей.

И снова семейный круг. Не круг, а петля на шее. И снова Валерьян Юрьевич наблюдал тоскливую картину – как собираются на ужин домочадцы. И задавался вопросом: зачем они все, не любя друг друга, настояли на том, чтобы купить один дом и жить вместе? Боятся, что он оставит наследство жене Светке? Ну, во-первых, Валерьян Юрьевич не собирается умирать, хотя не так давно мотор в груди сдал, что якобы и послужило поводом собраться «дружной» семьей под одной крышей. Но это временный сбой, ничего подобного больше с ним не случится до глубокой старости. Во-вторых, Светка шиш получит, если он дуба даст. Честно говоря, родным деткам тоже нет охоты оставлять наследство. Хорошо бы проучить их всех, чтобы хвосты прижали и научились ценить блага, доставшиеся без усилий, а также уважать родителя.

– Лерик... – Так величает его Светлана, законная жена. – Лерик, ты думаешь об обстановке комнат в доме? Он же пустой.

– Люблю свободу, – лениво выговорил Валерьян Юрьевич, глядя на пустые тарелки перед собой.

– А гости приедут? – тоном возражения произнесла жена. – Им ведь даже сидеть не на чем. На завтра назначено новоселье.

Это она загнула – не на чем сидеть. И сидеть, и лежать есть на чем, просто им хочется новья. Хочется, чтобы друзья-подруги скрипели зубами от зависти, хочется быть первыми во всем и совсем не хочется прилагать к этому ручки с мозгами.

– Пап, мне тоже нужна новая мебель, – сказала младшая агрессорша Катерина. – Мой гарнитур детский.

– А ты уже выросла? – без красок в голосе поинтересовался папа.

– Ты что, не видишь?

– Не вижу.

– И еще мне нужна машина.

– А самолет не нужен?

– Как я добираться в институт буду? – надрывно бросила Катя.

– Маршрутки и автобусы ходят.

Катя убежала, рыдая, словно у нее кто-то умер. Впрочем, умри папа, ей было бы не до истерик, она высчитывала бы свою долю, алчно клацая беленькими зубками. Валерьян Юрьевич украдкой пробежался взглядом по домочадцам... Ба! Они же все, как один, недовольны. Безусловно, причина недовольства в папе, который делает только первые шаги к выходу из рабства. Ну кто сказал, что деток надо кормить до их пенсии? Конечно, образно говоря. А они когда начнут своих отпрысков откармливать? Надька замуж выходила, била себя в грудь и ревела, когда папа был против ее брака: «Это моя жизнь!» А потом началось: папа, оплати лечение Гены, мы не можем зачать; папа, возьми Гену на работу, мы бедствуем; папа... Короче, жизнь ее, а проблемы папины.

– Значит так, – весомо и спокойно сказал Валерьян Юрьевич, уложив кулаки на стол. – Прекратите строить из себя господ. Кому не нравится – зарабатывайте на новую мебель сами и ставьте куда хотите. А мне старая сгодится. И вообще, отныне свои проблемы будете решать тоже сами, я вам не нянька.

Все разом заморгали – просто какой-то злобный аккомпанемент веками! Да ну их к лешему! Он не намерен тратить свои нервы и здоровье, а им еще покажет, в чьем кармане шоколадка тает.

– Теперь... – поднялся он, – всем по норам, завтра на работу.

– Завтра же воскресенье, – робко напомнил Гена.

– Начался сезон, – рявкнул тесть. – Выходные отменяются до поздней осени.

И оставил семейство мыть ему кости без него.

Гертруда Викторовна жалась к стене, обхватив щеки ладонями и выпучив глаза до невозможности. Если учесть, что в гостиной горела всего одна свеча, которую держала Лиля, а больше света не было, то можно лишь приблизительно представить, в каком состоянии пребывала хозяйка дома. Алик, налаживающий фонарь на штативе, говорил бесстрастно:

– Не переживайте, Гертруда Викторовна, вы не одна. Когда он покажется нам, не кричите, а то уйдет – жди его тогда сутками напролет.

– Он появится?! – водила она безумными глазами по сторонам.

– Конечно. Мы постараемся до появления пугнуть его, иначе он начнет стонать – это будет действительно... мм... скажем так – неприятно.

– Вам не страшно? – шепотом спросила она. – Все-таки... призрак.

– Всякое бывает, – ответил Марат. – Когда попадаются агрессивные призраки, нам тоже достается на орехи, но такова наша работа.

– А вдруг он не оттуда появится, откуда вы ждете?

– Исключено, – сказал Алик. – Так, я готов. Тишина в студии. Лиля, свечу погаси.

Комната погрузилась в темноту, но свет падал в окна со двора, об освещении сталкеры позаботились заранее, ведь им необходимо видеть, что происходит в гостиной. Сидя на стуле у стены, Гертруда Викторовна зажала обеими ладонями рот и в этой изматывающей тишине боялась пошевелиться, даже дышать. А как назло: то нос зачесался, то в горле запершило, то воздуха перестало хватать. Гертруда Викторовна мужественно терпела неудобства, поглядывая на силуэты охотников за привидениями в разных концах комнаты. Долго же пришлось ждать, у нее онемело все тело, в глазах стало рябить, она не понимала, как сталкеры могут столько времени стоять, не двигаясь.

Вдруг раздалось нечто, похожее на жужжание, Алик предупредительно поднял руку вверх, задвигалась фольга на веревках, словно от ветерка, а Гертруда Викторовна едва в обморок не упала. Лиля шепнула:

– Идет.

Марат яростно замахал на нее руками, мол, замолчи. В этот миг вспыхнул яркий красный свет и погас, снова вспыхнул... Гертруда Викторовна зажмурилась, слыша жуткое шипение и голос Марата:

– Еще раз, Алик! Еще удар! Прибавь мощности!

Протяжный свист, шипение, стон и – тишина.

– Включите свет, – приказал Алик.

Все жмурились от электрического света, но Алик перелез за границу веревок с фольгой, постоял, глядя на компас, и улыбнулся:

– Гертруда Викторовна, подойдите. – Она несмело приблизилась, он показал ей компас. – Смотрите, стрелки в покое. Все, портал закрыт.

– Да? – У нее не было сил радоваться, ноги подкашивались. – Вход закрыли? А как вы закрыли?

– Когда он появился, мы ударили по нему инфракрасным излучением, для призраков это как удар высоковольтным током. Вы слышали шипение, свист?

– Слышала.

– Это была его реакция. Вы бы полезли туда, где вас ударило током?

– Нет.

– И он больше не полезет.

– А он не может другое место найти?

– Не пустят его. Мы ведь били по portalу, а на той стороне, когда обнаруживают проход, закрывают его.

– Спасибо, – растрогалась Гертруда Викторовна. – Сегодня я переночую у подруги, а завтра приглашена на новоселье, на ночь там останусь, мне трудно под впечатлением...

– Да не бойтесь, все в порядке, – успокоил ее Марат.

– С вас три тысячи, – скромно напомнила Лиля.

Получив деньги и собрав скарб, охотники за привидениями запрыгнули в машину, Лиля тронулась по извилистой дороге.

– Мощно поработали, – прищелкнул пальцами Марат. – А к ее подруге когда поедем?

– Гертруда больше не упоминала о ней, – ответила Лиля, неплохо управляя автомобилем.

– Чего ж ты не напомнила? – изумился Марат. – Или у тебя от успехов голова закружилась?

– Дай бедной женщине опомниться от покойника, – огрызнулась Лиля. – А подруга сама к нам придет.

- Э, не гони, Лилек! – вступил Алик. – Кстати, куда ты едешь? Город в другой стороне.
- Завтра у нас выход в свет, хочу к местности присмотреться.
- Что ты надеешься в темноте разглядеть? – пожал плечами Марат. – Мы же изучили

местность.

– Днем изучили, – возразила Лиля, съезжая на обочину. – А надо и ночью осмотреться, чтобы случайно не оступиться. Дальше идем пешком, прогуляемся.

Он привык спать мало, легко встал рано и отправился с удочками к причалу, где его уже ждал новый приятель. Странно, Валерьян Юрьевич никогда бы не подумал, что ему будет интересно проводить время с удочкой под болтовню Панасоника. Может, так произошло потому, что в этом бесхитростном мужичке имелось нечто давно вымершее, не встречающееся в современных людях, нечто из детства, когда было все просто и понятно. Точно, Панасоник понятен и прост, как портянка, оттого нет нужды при нем напрягаться, контролировать себя, вычислять, что он имеет в виду, говоря ту или иную фразу.

Валерьян Юрьевич сунул ему пакет, сам уселся на причал, не удержавшись от хвастовства:

– Сегодня катер притаранят. Новенький, навороченный.

– Ух ты! – обрадовался Панасоник, будто катер подарят ему. – Возьмешь с собой на рыбалку?

– Возьму, – пообещал Валерьян Юрьевич, закидывая удочку. – И на рыбалку, и просто так покатаемся.

Панасоник, выпив грамм сто коньяку, жевал бутерброд и давал ценные советы, как подсекать рыбу, если клюет.

Надо же, поймалась рыбка! Махонькая, величиной с ладонь, но приятно. Валерьян Юрьевич не смог себе позволить войти в азарт, поспешил свернуть удочки, договорившись с Панасоником встретиться завтра утром.

– Ты куда? – удивился тот. – Сегодня ж выходной у всех.

– У меня самая работа началась, к тому же вечером гостей набегит целый полк, надо все успеть. До завтра. Забери пакет, там еда и коньяк.

– Мировой ты мужик, – остался доволен Панасоник.

Валерьян Юрьевич засолил единственную рыбку и до завтрака, выпив только кофе, сел в джип да рванул на работу в приподнятом настроении. А ведь правду говорят: для счастья человеку не столь уж много надо.

Сегодня новоселье для узкого круга, так сказать, для своих, большой прием планируется позже. Гостей встречала на правах хозяйки Светлана, поглядывая на часы и незаметно дую губы. Как всегда, муженек запаздывал – никакого уважения к людям, иногда ей хотелось заорать во всю мощь: развод, катись к чертовой матери! Но покатится-то она, кстати, ни с чем покатится, а привыкла к достатку, свободному распорядку, привыкла ничего не делать. Это такой кайф – ничего не делать! Его Светочка ни за что не потеряет, потому не дает повода «любимому» мужу вытолкать ее взащей, хотя он наверняка повод ищет. Не дождется! Муж состоит исключительно из недостатков, но есть у него и достоинство, одно-единственное, однако ценное: порядочность, из-за которой он порядком страдает. Какой еще дурак будет тащить на себе свору наглых детишек с дармоедами родственниками и лентяйкой женой? Вот и пусть страдает, мешать она ему не собирается, Светлана все вытерпит с улыбкой на устах.

– Отец не приехал? – подошел к ней старший сын.

– Нет, как видишь, – повернулась к нему Светлана, облокотившись о перила. Из всего семейства она более чем лояльно относилась к Владимиру.

– То-то я смотрю, ты все глаза проглядела, – поддел он ее со смешком.

– Отсюда вид отличный, правда, уже стемнело, но все равно успокаивает. Дом всем показали?

– А как же, экскурсия закончилась, пора и выпить.

– Начнем без главы семейства? – Не торопясь, оба двинули в дом. – Куда запропастился ваш папуля? Звоню ему, а Лерик не берет трубку. Кстати, он купил катер, знаешь?

– Катька показывала. Дорогая причуда, миллиона полтора отвалил за игрушку (Светлана присвистнула), главное – зачем ему катер?

– Думаю, он сам не знает. А мне купил не автомобиль, рухлядь, которая постоянно глохнет!

– Скажи за это спасибо. Последнее время он как с цепи сорвался, на всех волком смотрит, хамит, так что делай выводы, дорогуша.

– Ты тоже делай, вон твоя на нас волком смотрит, как Лерик, – парировала Светлана. Войдя в дом, она прилепила к лицу светскую улыбку. – Валерьян задерживается, ждать его не будем. Прощу за стол.

– Ой, правда, я так проголодалась... – сказала Евдокия Даниловна, поспешив занять самое выгодное место, чтобы достать все яства.

– Дом восхитительный, – следовала за ней бывшая балерина. – А в мое время о таком доме даже мечтать не смели, все прозябали в каморках.

– Должна заметить, Ангелина Даниловна, – подала голос жена Владимира Вера, жутко ядовитая особа, – и сейчас большинство живет в каморках, а то и в сараях.

– Но сейчас хотя бы есть возможность разбогатеть, – возразила балерина.

– Тем, кто уже богат, – съязвила Вера.

– Вовочка, мне, пожалуйста, водочки, – решила не спорить с Верой Ангелина Даниловна, зная, что Вовочкина очковая змея терпеть не может ее и сестру. Она платила ей тем же, но не так открыто.

Несмотря ни на что, вечер заладил, тема была одна: дом и как его обустроить. Хозяйке пришлось выслушать массу советов, словно она до этого жила в яранге на бескрайних просторах тундры и не понимает разницы между комодом и канapé. Пробовали и молоденькие жены Клима с Мироном предложить свое решение по обустройству дома, но им Света с Надей мягко дали понять, что советы их глупенькие. В паузах Светлана переглядывалась с Владимиром и недоуменно пожимала плечами. Кажется, кроме них больше никто не тревожился, что Валерьян Юрьевич отсутствует. Впрочем, при нем люди чувствовали себя скованно. После очередного переглядывания Владимир встал из-за стола и, доставая сотовый телефон, оповестил всех:

– Я на перекур.

За ним увязалась Вера, шипя вполголоса:

– Твой папочка надумал добить завистников? Знаешь, это уже неприлично – выставиться миллиардером, когда многим однокомнатной квартиры не купить.

– Ты вступила в компартию, радеешь о народе? – спросил Владимир, слушая звуки в телефонной трубке. – Лично я уговаривал отца купить дом, это неплохое капиталовложение.

– Нормальные люди вкладывают в то, что потом несложно продать, а кто купит в нашей дыре этот форпост?

– Собираешься продавать? – хмыкнул он, набирая номер заново. – Отец еще жив, делить пока нечего.

– Я вообще говорю... – стушевалась Вера. – Родным внукам путевки в Баден-Баден не купил, чтобы поправить здоровье...

Дошипеть ей не удалось, из дома с шумом вывалила толпа, по восторгам Ангелины Даниловны стало понятно, куда они направились:

– Всю жизнь мечтала о яхте, но и катер сгодится. Это так прекрасно – прогуляться ночью по реке...

– Никто не умеет управлять катером, – охладил ее Клим.

– Жаль, жаль, – сокрушалась бывшая балерина, вцепившись в перила и с величайшей осторожностью сползая по ступенькам вниз. – Вовочка, идем с нами, посмотрим на катер?

Проходя мимо супругов, Светлана поинтересовалась:

– Дозвонился?

– Не берет трубку.

– Очень темно! – пискнула Евдокия Даниловна. – Тут шею свернуть можно.

Из дома выбежал Мирон с ручным фонарем:

– Я Прометей! Несу вам огонь!

Не желая слушать нытье жены по поводу безумных трат отца и его непомерной жадности (ему еще представится такая возможность дома), Владимир последовал за всеми. Вера осталась на площадке, но вскоре скука и ее заставила спуститься.

На берегу женщины беспрестанно ахали, тогда как мужчины проявили к приобретению спокойный интерес, они курили, обсуждая технические характеристики. Мирон, поставив фонарь на причал, запрыгнул в катер и предложил:

– Есть среди вас камикадзе? Предлагаю завести мотор...

– Не дури, – прикрикнул на него старший брат. – Отец в ярость придет.

Вдруг Наденька произнесла загробным голосом:

– Что это?..

В свете единственного фонаря она выглядела довольно комично: ладони приложила к пышной груди, глаза вытаращила и приоткрыла рот, словно собиралась закричать, но крик отчего-то у нее не получился. Она будто увидела костер, на который ей предстояло взойти и погибнуть в пламени. Все посмотрели туда, куда уставилась Наденька и... обомлели.

В черной глубине, метрах в ста от них, по реке плыла женская фигура в белом полупрозрачном одеянии, которое от легкого ветерка трепетало. Точнее, фигура стояла, но в то же время плыла, но не в лодке, а неизвестно на чем. Создалось впечатление, будто женщина шла прямо по воде, что, разумеется, само по себе нелепо, невозможно, неосуществимо. И главное! По ней пробегали мелкие зелено-голубые искорки – жуть неопишущая!

Надо ли говорить, что у всех без исключения в первый момент и морозец пробежал по коже, и волосики зашевелились, и ненадолго речь отнялась? Но мужчины первые встрепенились, переглянулись, Мирон, демонстрируя храбрость, крикнул:

– Эй, девушка, не хотите ли к нам?

Девушка, или неизвестно кто, повернулась к ним всем корпусом. Конечно, темно, особенностей не разглядишь, но светлое пятно на месте лица должно как-то обозначиться. А лица-то и не оказалось! У любительницы гулять по воде... черное-пречерное пятно вместо лица!

Никто не мог дать объяснения себе, каким образом совершает прогулки по воде безлика дама, оттого все находились в растерянности, граничащей с ужасом. В этой полнейшей непонятности совершенно чудовищное воздействие произвел вопль ужаса Наденьки. Она завизжала как полоумная, вскрикнули и две престарелые старушки, за ними молоденькие жены Мирона и Клим, да и мужчины разом вздрогнули, но от неожиданности. Гена кинулся к жене, прижать к себе ее не смог, имея по сравнению с Наденькой хрупкое тельце, однако обхватил руками, панически оглядываясь, словно ища помощи.

В это же время «бегущая по волнам» погасла, ее силуэт стал еле заметен на фоне черноты воды, а минуту спустя она скрылась за зарослями камыша. Наступила какая-то утомительная тишина, только камыш тихонько шуршал, встревоженный ветерком...

4

Едва ноги коснулись илистого дна, Марат, стуча зубами от холода и фыркая, сдвинул на лоб маску с трубкой, быстренько доставил плот к берегу. Подняв тунику до груди, Лиля спрыгнула, да попала в ил, вскрикнув:

– Ой! Блин, я чем-то уколола ноги...

– А я сейчас дуба дам от холода, – отстучал зубами Марат, затягивая в камыши плотик с шестом посередине, сооруженный, чтобы Лиля стояла на плоту устойчиво.

– Эй, вы! – слышался из темноты голос Алика. – Потихе нельзя? Недалеко народу полно.

– Знаем, знаем! – Лиля выбралась на сухой берег и принялась хохотать, согнувшись в три погибели. – Ой, не могу... Если бы ты видел их... Ха-ха-ха... Выход в свет получился супер! Ха-ха-ха-ха...

Марат, облаченный в черный костюм для плавания, высоко поднимал ноги в ластах, выходя из воды. Выбравшись на берег, он скинул ласты, забрал у Алика плед и закутался в него, дрожа, как в лихорадке.

– Держи чай с ромом, – протянул ему Алик термос. – Значит, тебя видели?

– Видели, видели! – надевая носки с кроссовками, заверила Лиля. – Целая толпа видела. Они офонарели. Визжали! Сто процентов даю: из этой кубышки клиенты к нам повалят пачками. Ну, теперь бегом к машине, заодно согреемся.

– Оденься, – сказал ей Алик. – И маску сними.

– Ни-ни! Вдруг нечаянный прохожий встретится, а тут я... – Лиля подняла руки и попу-гала сообщников: – У! У! У! И вся свечусь! Представляете?

– Это жестоко, – сказал Марат уже на бегу. В руках он держал ласты, одновременно придерживая плед на груди. – Человек разрыв сердца получит. И потом, Лилька, в этом районе живут богачи, они пешком не ходят, на колесах передвигаются.

– Тем более нечего их жалеть, потому что честных богачей не бывает.

Высочили на проезжую дорогу, побежали рядом.

– По мне, так все наши фокусы – глупость и лишняя трата денег, – ворчал Алик. – Я бы не поверил твоему «выходу в свет».

– Интересно, как, по-твоему, повысить степень сложности? – возразила Лиля, поднимая подол туники повыше. – Гертруда же купилась! Думаешь, те, кто сейчас был на берегу, менее суеверные? Да к гадалкам бегают товарищи с высшим образованием, менты, когда ловят преступников, тайком чиновники ходят. Между прочим, чиновники любят колдовством наводить порчу на коллег. Я знаю, что говорю, гадалкой проработала целый год, снимала сглаз и порчу, ворожила и колдовала. Но сумму, которую мы взяли у Гертруды за один раз, мне не удавалось заработать за несколько месяцев упорного труда в сфере черной магии. Да мы запросто можем составить конкуренцию Дэвиду Копперфильду! По сравнению с нами он отдыхает. Но каков результат...

– В тюрягу мы с твоим результатом угодим, – вздохнул Алик.

– Покажи статью, которую нам присобачат.

– Мошенничество, – легко нашелся Марат. Бег его не согрел, он все стучал зубами, иногда делал круг вокруг Алика с Лилей, чтобы разогнать кровь в жилах.

– Ой, не смейся! – хохотнула она. – Как докажут, что мы мошенничаем, как? Если и поймут на представлении, то что нам приклеить? Мы развлекаемся, маскарад устраиваем и веселимся. А за колдовство и охоту на привидений в тюрьму не сажают, прецедента нет в судебной практике.

– Но деньги-то берем ни за что, – сказал Марат.

– Мы их ворует? – хихикнула Лиля. – Грабим? У нас идет честный отъем лишних денег у населения, нам сами дают и еще благодарят. Мы освобождаем людей от страхов, прежде всего сидящих внутри, у нас добрая миссия, а всякая работа должна оплачиваться.

Добежали до лесочка, где спрятали машину.

– Ты действительно колдунья, – признал Алик, дыша после бега шумно и глубоко. – Послушаю тебя и сдаюсь.

– Снимите с меня провода, я в них, как в паутине, – потребовала Лиля, сбросив тунику и оставшись почти голой (в одних трусиках), Алик начал помогать ей. – Завтра сделаем рейд на кладбище. Через него ходят из деревень к остановке и назад в деревню... Ой...

Марат отхлебывал чай из термоса, как вдруг...

Та-та-та-та-та! Та-та-та-та!

– Что это? – замерла Лиля.

– Похоже на автоматную очередь, – определил Алик.

И еще раз: та-та-та-та... та-та...

– Очень близко, – напрягся Марат, едва не поперхнувшийся от этих очередей. – Давайте отсюда быстрее дергать... Лилька, ты куда?

– Сбегаю посмотрю, – отозвалась она, юркнув в темноту.

– Дура! Вернись! – полушепотом бесновался Марат. – Голяком умчалась! Ее точно примут за привидение. Мы с этой чертовкой вляпаемся в дерьмо. Алик, не ходи! Она дура, но ты...

– Тоже дурак. – И Алик растаял в темноте.

– Психи! Идиоты! – ругался Марат, но, подумав, нехотя пошел за ними.

Обогнув высокий холм, Лиля увидела свет фар, стала пробираться осторожней, на всякий случай прячась за стволами деревьев. Очутившись в нескольких метрах от внедорожника, который съехал с дороги в кювет, она подкралась к кусту, то есть еще ближе, и высматривала, что здесь происходит.

Один парень с автоматом в руке стоял напротив джипа, его Лиля хорошо рассмотрела в свете фар, второй копался в авто, но вот и он спрыгнул с подножки, махнул первому, и оба побежали прочь.

Лиля – за ними, не взглянув в сторону распахнутой настежь дверцы. Честно говоря, она боялась увидеть внутри салона нечто похуже привидения. Буквально через несколько шагов Лиля вынуждена была присесть, а потом и отползти на четвереньках к кусту. Этот кусок девственной природы человек не успел «облагородить» вырубкой, слава богу, растительности здесь полно, есть где спрятаться. Два парня с автоматами запрыгнули в легковушку, выехали на дорогу и – мотор надрывно взревел, колеса завизжали...

Лиля выпрямилась, глядя вслед легковушке.

Когда она вернулась к внедорожнику, там обнаружила Алика с Маратом. Последний наехал на нее:

– Ты где была? Мы уж думали, тебя кокнули...

– Тихо, тихо, – подняла ладони Лиля. – Тут что-то произошло? Вы смотрели, в джипе есть люди?

– Есть, есть, – с каким-то странным подтекстом произнес Марат. – Ты лучше сама посмотри, это не рассказать!

Едва она подошла к распахнутой дверце, как тут же и попятилась. М-да, это похуже всех привидений, вместе взятых. На передних сиденьях полулежали двое мужчин, лиц не было видно, их залила кровь.

– Насмотрелась? – ехидно спросил Марат. – Представляешь, если бы тебя заметили? Лежала б ты сейчас в трусиках, с голыми сиськами и с пулями в кишках. А теперь деру!

Алик молча взял ее за руку и потянул назад. Добежали до машины, скоренько покидали в нее вещи, Лиля в салоне натянула свитер, взяла телефон.

– Куда звонить собралась? – отчего-то забеспокоился Марат.

– В милицию, – ответила она. – Сообщить про убийство.

– Рехнулась? – подпрыгнул он. – Здесь одна дорога, менты увидят, что мы едем от поселка, и загребут нас. Потом доказывай, что автомат не умеешь держать.

– Дурак, а вдруг в джипе есть живые? Мы съедем с дороги, я знаю место, подождем, пока они проедут... Алло, милиция? Только что двое неизвестных расстреляли джип...

– Нет-нет, они не мошенники, – с жаром убеждала Евдокия Даниловна. – Мошенники не отказались бы провести у меня сеанс... э... ликвидации аномального явления и содрать за услугу приличные деньги. А услуги у них очень дорогие, и я бы заплатила, лишь бы избавиться от кошмара. Значит, это честные люди. Я настоятельно советую вызвать их для обследования дома и местности. Гертруда, ты-то чего молчишь? Разве тебе не досаждало привидение мужа?

Уже больше часа все только и обсуждали, что «бегущую по волнам», которая потрясла каждого. Тем не менее, выявились и скептики, но достаточно убедительно объяснить явление на реке они не могли. Гертруда Викторовна замылась, потупила глазки, ей было неловко признаваться в таинстве, которое свершилось в ее доме, однако чего не сделаешь ради друзей.

– Если бы я лично не столкнулась с... – не посмела сказать «привидением», – необъяснимыми явлениями, то, наверное, сейчас была бы на стороне не верящих в существование потусторонних сил. А они есть. Поверьте, это так страшно – не веришь, а глазами видишь. Кажется, что сходишь с ума...

– Да что же вы такое увидели, тетя Гертруда? – не выдержал Клим.

– Мужа, – ответила она. – Живого и в то же время неживого. Нелепо, да? Но я видела его, как вижу сейчас всех вас. Не знаю, как не умерла от страха...

– Уважаемые женщины, – страдальчески произнес Владимир, – это уже запредел. Кто-то решил пошутить, устроил нам спектакль, сознаюсь, леденящий душу спектакль, впечатляющий, но столько времени обсуждать цирк на воде я не в состоянии.

– А свечение? – привела веский аргумент Наденька. – Она же светилась... и без лица была!

– О господи! – взвыл Владимир. – Сейчас столько всякой муры на любом рынке продается, что каждый может соорудить оптический обман.

– Ну, знаешь, – с жаром заговорила Наденька, – для оптического обмана слишком жуткое зрелище, совсем не похожее на обман. Я слышала, где-то в этом месте лет сто назад, чтобы избежать позора, утопилась девица, забеременевшая от женатого барина. Говорят, ее видели несколько раз в воде и в камышах.

– Надюша, ты взрослая тетя, а несешь... – Владимир махнул рукой. – Давайте лучше примем по пятьдесят грамм и закусим? И фиг с ними, с привидениями, аномальными явлениями, утопленницами и прочей чертовщиной.

Его поддержал Геннадий, на что Вера фыркнула:

– Вам бы только водку жрать.

– Милая, водку пьют, а не жрут, – с удовольствием поддела ее Ангелина Даниловна.

И получила злобный взгляд в ответ. Ангелина Даниловна присоединилась к мужчинам. Только они пригубили рюмки, как зазвонил телефон. Светлана сняла трубку с аппарата:

– Да-да, это его дом... Милиция? А что случилось?..

По мере того как она слушала, ее лицо вытягивалось, затем ноги подкосились. Светлана присела на край стула, потом опустила трубку на колени. Все поняли, что новость нехорошая, оттого замерли в ожидании, не сводя с нее настороженных глаз.

– Света, что тебе сказали? – спросил Геннадий. – Почему звонили из милиции?

– У поселка час назад расстреляли джип Валерьяна. Милиция сейчас там...

– С отцом что? – подскочил Владимир, надел пиджак, лихорадочно и неизвестно зачем принялся шарить по карманам.

– Сказали, убиты все, кто был в джипе, – выдавила Светлана.

Некоторые женщины коротко вскрикнули, кто-то схватился за голову.

– Я еду туда. – Владимир зашагал к выходу.

– Я с тобой, – подлетел Клим.

За ними умчались Мирон и Геннадий. Когда женщины остались одни, Катя растерянно пробормотала:

– Папу... убили, да?

Никто ей не ответил. Катя всхлипнула раз, другой, потом разрыдалась, к ней подошла Ангелина Даниловна, обняла за плечи:

– Ну-ну, девочка моя, еще ничего не известно.

– Я знаю, кого мы видели на реке, – вымолвила Гертруда Викторовна, находясь в оцепенении.

– Кого? – заинтересовалась Евдокия Даниловна.

– Это была смерть.

Владимир чуть ли не на ходу выскочил из машины, ринулся в толпу милиционеров, но его остановили двое, расставив руки в стороны и не давая пройти:

– Туда нельзя.

– Это машина моего отца, – закричал он. – Я хочу увидеть его.

– Вашего отца только что увезли, не вашего тоже, – наступал на него высокий мент. – Нельзя, нельзя...

– Кто-нибудь жив? – рвался к джипу Владимир.

– Один дышал, крепкий оказался.

– Куда... Куда их увезли?

– В первую больницу и морг, – дал координаты мент.

Лиля въехала во двор частного дома, который их лихая бригада снимала полностью. Во-первых, дешевле, потому что на окраине, мало находится желающих снять конуру без удобств далеко от районов, где сосредоточены предприятия. Во-вторых, дом стоит на земле, окружен такими же подворьями, слинять в случае необходимости отсюда запросто – выскочил в окно и драпай со всех ног. Попробуй убеги из скворечника, не прыгать же с шестого или десятого этажа, если вдруг милиция прибежит по доносу. По большому счету бояться нечего, действительно, за «нелегкую» борьбу с привидениями еще не сажали в тюрьму, наверно, потому, что обманываться – личное право каждого гражданина, тут законом не заставишь не верить в чудеса. Да и кто способен доказать, что привидений и леших с домовыми не существует?

В народе бытует мнение: хочешь заполучить много денег – создай собственную партию или секту. Партия – дело сильно хлопотное, малым числом людей не обойдешься, охватить нужно по возможности все регионы, убедить в том, чего не будет никогда, опять же конкуренция мощная. Секта – обратная сторона партии, те же хлопоты, зомбирование, но рабы, как известно, восстают, да и запудрить мозги, чтобы тебе отдали движимость и недвижимость со счетом в банке, надо уметь. Помимо всего прочего, от этих двух идей веяло скукой, а хотелось чего-то остренького, веселенького, не избитого. Лиля, очутившись без перспектив устроиться на приличную работу (идентичная ситуация была и у ребят), нашла незаполненную нишу – борьба с привидениями на научной основе. Да, вначале она поработала гадалкой и экстрасенсом, дурила народ, как могла, убедилась в дремучести многих, и вот ей пришла идея получше. К тому же гадалок – как собак нерезаных, а чтобы прославиться и стать магиней (от слова

«магия») высшего класса, к которой народ валит толпами, надо хотя бы из трех случаев два раза попадать в яблочко, чего у нее не получалось, пару раз клиенты даже порывались побить ее за обман. Ребята скинулись, продав самое ценное, и развернули деятельность.

Лиля, являясь генератором идеи, учла возможные неприятности и неожиданности, ведь привидений они ловко создают своими руками, мозгами и при помощи все тех же денег. Одна Гертруда чего стоила! Надо было сначала собрать картотеку состоятельных людей, способных вывалить кругленькую сумму, узнать, кто и с кем дружен. Слухи-то – вещь в данном деле полезная, поможешь одному, тот расскажет приятелю. На сарафанное радио и рассчитывали охотники. Следовало выяснить всю подноготную будущих клиентов и только потом сделать выбор. Дальше: надо было выследить, когда дом Гертруды остается без хозяйки, подсмотреть, чем она занимается дома, сделать дубликат ключей, а это ювелирная работа, ибо ключики никто не предоставит, но есть замочные скважины, а умелые ручки могут сделать слепки и по ним воссоздать ключи, в конце концов, существуют отмычки. А компас с психованной стрелкой, шелест фольги, стоны и шипение – это все ловкость рук, которые вовремя и незаметно подключают аппаратуру.

И все сами учились, расспрашивали жуликов, читали, пробовали. Затем испытали на предмет суеверия нескольких человек и получили первую прибыль, только после подготовительной работы запустили кошку к Евдокии Даниловне. Между прочим, личную и родную кошку Марата. После полета она сбежала от него, он очень страдал. А стоны... это чистая случайность, сыгравшая на руку. Чтобы показать свою честность, мол, зря мы денег не берем, аномальные явления они обнаруживали не во всех домах, как, например, у той же Евдокии Даниловны, и таким образом росли в глазах суеверной общественности. Тяжелая работа, надо сказать, сопряжена с постоянным риском, зато творческая – скучать не приходится.

Поставив старенькую машину во дворе под яблоней, Лиля глянула на темные окна и озадачилась:

– Где это Пашка?

– Инкубом работает, повышает степень сложности, – сказал Марат, выбираясь из машины. Он не согрелся, все еще дрожал, видимо, теперь уже от впечатлений, полученных у джипа.

– Заработался Паша, но толку что-то маловато, – резюмировала Лиля.

– Я бы тоже с превеликим удовольствием поработал инкубом, – идя к дому, вздыхал Марат.

– У тебя отсутствуют данные, – разбила его надежды Лиля.

Алик открыл дом, вошли. Вошли и упали, кто куда – на диван, стул, в облезлое кресло. Только сейчас троица осознала все происшедшее. От ужаса кровь стыла в жилах.

– Слушайте, – поднял голову Алик. – Вы до чего-нибудь дотрагивались?

– Я нет, – сказал Марат. – Я как увидел... Фу, до сих пор тошнит.

– И я ничего не трогала, – заверила Лиля. – Идемте хоть картошки пожарим, есть хочется.

– Как ты можешь есть? – буркнул под нос Марат. – Мне кусок в горло не полезет...

– Скажите, какие нежности! – фыркнула Лиля, идя к плите в смежную комнату. – И чего ты дрожишь, как кролик? Трупов не видел, что ли?

– Покойников видел, а трупы первый раз, – не обиделся Марат.

Поставив на стол кастрюлю с водой, Лиля с Аликом, устроившись на табуретках, принялись чистить картошку, Марат, кутаясь в верблюжье одеяло, залез с ногами на диван и задумался. Каждый заново переживал увиденное. И наступила тишина. Только время от времени раздавалось – бульк, бульк, это картошка падала в кастрюльку. Вдруг Лиля, как бы между прочим, не делая акцент ни на одном слове, произнесла:

– Я запомнила одного из убийц, носик у него... хм! Как клюв у птицы, загнутый книзу, он в профиль ко мне стоял, но и анфас я его видела. Второго... не уверена.

– И что? – поднял на нее глаза Алик.
– А еще запомнила номера джипа и легковой, на которой уехали убийцы.
– Не зря трясла сиськами, – подал с дивана голос Марат. – Убийцы теперь у нее в руках.
– Дались тебе мои сиськи! – кинула в его сторону она. – Завидки берут, да?
– Я мужчина, мне они ни к чему...
– Заткнитесь оба! – прикрикнул Алик, стукнув черенком ножа по столу, затем перевел суровый взгляд на подругу и угрожающе процедил: – Теперь забудь все, что видела и запомнила. Я тебя знаю, уже вынашиваешь какой-нибудь идиотский план?
– Нет-нет, я просто так... само запомнилось. Не виновата же я, что у меня память фотографическая...
– Забудь, я сказал! – рявкнул он. – Это тебе не народ дурить, это крутые парни, их не убедишь, что ты призрак. Они нас всех перестреляют, если узнают, что их видели.
Лиля промолчала, а план у нее на самом деле зарождался, еще не сформировался, поэтому о нем говорить было рано, да и бесполезно.

5

Тяжелое время – ожидание, хотя ждать нечего, все ясно. От этой ясности на душе кошки скребли. Особенно трудно было гостям, которые не знали, что говорить, да и уместно ли это делать. Безусловно, родственникам еще предстоит пережить удар со всеми отягчающими последствиями, но гости, ощущая свою беспомощность и бесполезность, потерялись. Они чувствовали себя лишними, это при том, что в данном положении родным Лерика необходима была моральная поддержка, но как ее оказать – никто не знал. Пришли на праздник, а неожиданно попали на похороны.

Бывшая балерина украдкой прикладывалась к рюмке, потом дышала в кулак, ведь неудобно взять что-то со стола и закусить, когда все сидят понурые. Конечно, и пить одной неловко, но проклятый стресс требовал успокоительного средства. Впрочем, на Ангелину Даниловну не обращали внимания. Однако когда она в очередной раз налила в рюмку водочки, Евдокия Даниловна тихонько сделала ей замечание:

– Геля, ты ведешь себя, как пьяница. Прекрати сейчас же!
– Дусик, у меня нервы трещат по швам...
– У всех нервы, – прошипела сестра.
– Оставьте Ангелину Даниловну в покое. – К ним подошла Светлана, налила себе в рюмку водки и предложила всем: – Давайте выпьем за упокой души Валерьяна.
Женщины подтянулись к столу, налили, подняли рюмки, скорбно вздохнули по очереди... И тут как гром среди ясного неба:
– Подождите, без меня не пейте.

Поминающие новопреставленного раба Божьего обернулись на голос и застыли, подрацки вытаращив глаза, словно им в рот попало по таракану. Внезапно Наденька с Гертрудой Викторовной непроизвольно хором взвизгнули, заставив всех содрогнуться.

– Папа?! – вымолвила Катя, не рискнувшая броситься отцу на шею. Все замерли, будто не он вошел, а его тень, и девушка тоже не двинулась.

– Вот так явление! – ахнула Вера.

– Вы охренели или перепились? – разозлился Валерьян Юрьевич. Никогда он не отличался интеллигентностью и тактом, случалось, гостям тоже выдавал по порции грубости, правда, на него не обижались, потому что привыкли. – Чего орете, как укушенные бешеной собакой?

Вид у него был – не описать. Штанины закатаны до колен, ноги в грязи, рубашка с одного бока вылезла, на плече болтались туфли, связанные шнурками. Пилигрим, елки-палки, к тому

же, кажется, живой, раз хамит. Он прошел к столу, не сбросив тужеск с плеча, упал на стул, придвинул тарелку с мясом, начал остервенело заглатывать еду, налив и выпив коньяку. Присутствующие стояли с поднятыми рюмками, не спуская с Валерьяна Юрьевича потрясенных глаз, будто это не он ел и пил, а случайно забредший прокаженный.

– Чего стоите столбами? – спросил он, наливая вторую рюмку. – Мужики где?

– Лерик... – выдавила с трудом его жена. – Лерик, нам сообщили, что тебя... тебя расстреляли.

– Да? – закусывая коньяк свежим огурцом и бутербродом с красной икрой, хмыкнул Валерьян Юрьевич, воспринявший слова жены как глупую шутку. – У какой же стенки меня расстреляли? И за какое преступление?

– Не знаю... Так сообщили. Мужчины поехали на место...

– Кто сообщил? Он представился?

– Да. Из милиции звонили.

– Значит, вам на уши навешали лапши, или, как говорится, развели.

Валерьян Юрьевич продолжал кушать, видно, здорово проголодался. Светлана первая присела на стул, за ней постепенно опускались на сиденья, будто заторможенные, остальные женщины.

– А почему ты так поздно? – поинтересовалась жена, еще не веря, что муж жив. – Где ты был?

– В джипе тормозная система навернулась, – ответил он. – Наливайте, наливайте... А, у вас налито? Тогда пейте. Ну, я попросил ребят посмотреть, они обещали починить.

Он протянул рюмку, мол, давайте чокнемся, все машинально чокнулись и смотрели, как он пьет.

– А ты? – учинила допрос Светлана. – Что ты делал?

– Такси взял.

– Но почему не приехал раньше?

– Сломалась тачка. Я ждал-ждал, когда водитель устранит поломку, потом расплатился и пошел пешком. Хотел напрямки, да заблудился, влез в какое-то болото... Устал.

– Но почему не позвонил и не отвечал на наши звонки? Я звонила тебе, Володя тоже...

– Трубку в кабинете забыл.

– Лерик... – Светлана все же решилась осторожно преподнести неприятную новость мужу, в которую он не поверил с первого раза. – Около поселка стоит твой джип, мужчины поехали туда...

– Зачем?

– В джип стреляли из автоматов. Это не лапша, Лерик. Володя звонил нам и сказал, что джип изрешетили.

– Не понял... – протянул Валерьян Юрьевич, перестав жевать. – То есть мой джип обстреляли?

– Твой, твой, – заверила Светлана. – Думаю, стреляли в тебя, в темноте-то не видно, кто едет.

В это время ввалились мужчины. Владимир с возмущениями:

– Кругом бардак, нам ничего не сообщили, сказали только, что двух мужчин с огнестрельными ранениями перевезли в морг, нам завтра на опознание... Папа?! Папа, ты?!!

– Как видишь, – буркнул Валерьян Юрьевич.

– Кто же тогда был в джипе?

– Толкунов и Блюмер, я пригласил их...

Внизу часы пробили три ночи, а Валерьян Юрьевич не спал. Закинув руки за голову, он смотрел прямо перед собой. Первое потрясение прошло. Он, конечно, не показал никому, как

испугался, а ведь страх вселился в него намертво. После первичного шока Валерьян Юрьевич начал активно искать выход, что сделал бы любой человек на его месте.

Вот уж правда: кому суждено стать повешенным, тот не утонет, но в сложившихся обстоятельствах это мало утешало, потому что пули-то были приготовлены для него, следовательно, будет вторая попытка, будет. От этой мысли бросало в жар и холод. Валерьян Юрьевич панически вычислял, кто вознамерился уложить его в гроб, и попал в затруднение. Он понятия не имел, кто записался во вражеский стан, а раньше полагал, что тайных врагов не бывает, ведь всегда понятно, кто и как к тебе относится. Ошибся. Значит, с другого бока начинать надо: кому выгодна его смерть? Фу-фу, сразу детишки на ум приходят, но не до такой же степени они алчные и злобные, чтобы родного отца прошить автоматной очередью. Нет, эту мысль при всем негативном отношении к своим отпрыскам Валерьян Юрьевич отбросил. Обычно из-за крупных денег безжалостно мочат бизнесменов, а его производство приносит немалую прибыль. Стало быть, конкуренты? Но Валерьян Юрьевич постарался создать условия, при которых конкурировать с ним было бессмысленно.

Когда началась анархия под лозунгом «Хватай, что плохо лежит», схватил и он. Одному посчастливилось очутиться у руля завода, другому досталась пекарня, третьему – нефтевышки – кому как повезло, а Валерьян Юрьевич хапнул несколько десятков гектаров с искусственными водоемами. Надо сказать, хозяйство пришло в упадок, ведь в советское время новаторство не приветствовалось сверху, а без экспериментов и проб с ошибками результатов не достигнешь. Некоторое время он удачно продержался на старом уровне, это было сложно – деньги обесценивались, тут уж не до развития. Но когда дежес собственности перерос в вакханалию, Валерьян Юрьевич смекнул: чтобы никто не посягал на твое княжество, надо стать единственным собственником. Он объединил еще три фактически разорившихся хозяйства, тем более что возникла необходимость в дополнительных площадях, затем тактично присоединил их к своему, то есть никого при этом не обидев. Да и чего ж на него обижаться, когда все остались при деле, а до слияния терпели убытки с нуждой?

На рыбе Валерьян Юрьевич и сделал деньги – пахал как вол. Теперь у него полносистемное хозяйство, выращивающее рыбу от икринок до товарной массы. Мало того, для лучшего освоения прудов и получения дополнительной продукции он начал использовать смешанные посадки, когда в один пруд запускают рыб разных возрастов, успешно стал применять поликультуру – с карпом выращивать рыб других видов. И этого было мало деятельному Валерьяну Юрьевичу, ведь из площадей желательно выжимать максимум прибыли. Последнее его ноухау – выращивание уток, которых выгуливают в прудах. В один пруд, подготовив его, он запустил в порядке эксперимента креветок, на очереди стояли пресноводные мидии. Он увлекся выращиванием осетровых пород рыб, для них выстроили судки, бассейн и отдельный водоем для маточного стада. Да, вырастить осетра – это годы труда, а прибыль уже сейчас пошла, ибо со сбытом нет проблем. Ну и была еще мечта у Валерьяна Юрьевича – построить перерабатывающий завод. Строительство началось, ведь выгодней солить, коптить, выпускать консервы самим. Кроме этого, он построил собственную электростанцию, иначе ведь никаких денег не хватило бы, чтобы платить за энергию. Валерьяну Юрьевичу хотелось размаха, а для расширения нужны специалисты, поэтому своим деткам выбора профессий он не предоставил, он отправлял их не в престижные вузы, а в сельскохозяйственные. Кроме Катьки. Она была глуповата, поэтому училась в местном частном институте на руководителя, самое то занятие для дураков – руководить.

Конечно, у любого глазки загорятся и ручонки зачесутся при виде готовенького производства. Людям кажется: лежит себе Валерьян Юрьевич на диване, а деньги сыплются с потолка, потому и не любят его. А каждый день по сотне километров за рулем отмахивать? А без выходных с весны до поздней осени работать? А ночами за книгами сидеть, изучая новые технологии, бухгалтерию, делопроизводство? А самому в резиновых сапогах мальков собирать

и вести учет, когда спускают воду, чтобы пересадить их в выростковые пруды до осени? Вот именно, всем лишь кажется, что деньги сыплются с неба – только ладони подставляй.

Отнять чужое – удел бездарностей и лентяев, но они есть, и с этим придется считаться, значит, предстоит выяснить, кто возмечтал прибрать к рукам его детище. На милицию надежды маловато, заказные убийства в провинции редко раскрываются. Ну, посоветовали гости нанять телохранителей, только если задумали убить, то убьют, – никакие стены не спасут, ни один телохранитель не защитит от пуль. Однако странно все это. Ладно, его убьют, а деток куда? Всех не перебеешь, у него потомков много, рыбная империя достанется им. Завещания Валерьян Юрьевич не написал, если бы его убили, то состоялся бы большой дележ... Неужели все-таки кто-то из семейства? Не может быть. Второй вариант: кто-то надумал сначала обезглавить рыбную империю, а с детками разделаться проще простого, ибо нет у них силы отца. Так или иначе, но заказчик и убийцы скоро узнают, что он жив. В общем, Валерьян Юрьевич очутился в западне. Как тут быть?

– Второго шанса им не дам, – промямлил он, ворочаясь.

Светка спала, будто ничего не произошло, а между тем были убиты два человека, подло расстреляны два хороших и редких специалиста, на их месте должен был оказаться Валерьян Юрьевич. Но чужие смерти и жизни ее не волновали, ей было до фонаря и состояние мужа, она одна из первых умчалась спать, видите ли, измучилась.

Остальное время до рассвета он думал о мерах спасения. И придумал.

А Панасоник уже торчал на причале, встретил радостной улыбкой – вот у кого ноль проблем, Валерьяну Юрьевичу даже завидно стало.

– Здорово, Юрьич! – подал ему руку Панасоник. – На катере поедem или как?

– Погоди, дело есть. Помощь твоя нужна.

– Да я завсегда, ага.

Валерьян Юрьевич уселся на причал, свесив ноги, хлопнул по свеженьким доскам, приглашая Панасоника, который устроился рядом, кряхтя, доставая пачку папирос. Отчего-то простецкая рожа нового знакомого внушала доверие в отличие от родственников и давнишних знакомых вместе с друзьями. И дело, наверное, в том, что Панасоник лишен зависти, потребности его мизерные, в нем чувствовалось здоровое начало, несмотря на кашель курильщика и худобу. А здоровая основа состоит из банального принципа: не быть дерьмом, он и не дерьмо, хотя о принципах Панасоник вряд ли имеет понятие. Он внимательно слушал, дымя папиросой и восклицая:

– Иди ты! Эх-ма, ну и жизнь пошла, ага!

Но когда Валерьян Юрьевич начал делиться планом, у Панасоника постепенно отвисала челюсть, а маленькие глазки, которых почти не было видно из-за постоянного прищура, наконец раскрылись и оказались блекло-коричневого цвета. Наступила пауза, заполняемая кваканьем лягушек на утренней зорьке. Панасоник шмыгал носом, утирая его рукавом потертого пиджака, Валерьян Юрьевич нетерпеливо спросил:

– Мне рассчитывать на тебя?

– Оно конечно, тока я... это... не смогу. Я дурак полуграмотный.

– Ничего, по ходу пьесы учить тебя буду. Или трусишь?

– Не, я не трус... а все ж страшно-вато как-то. А кого посмекалистей у тебя на примете нету?

Валерьян Юрьевич смотрел вдаль, на ровную гладь воды, подсвеченную рассветом, на мошкарку, вострепнувшуюся после прохладной ночи, на дымку, курившуюся над землей и рекой, вслушивался в лягушачьи переливы, показавшиеся симфонией. Вот он, смысл: живешь, видишь, слышишь. Сколько там осталось, что будет сегодня, наступит ли завтра, что почув-

ствуешь, уходя туда, откуда никто не возвращался? Валерьян Юрьевич заговорил пространно, Панасоник никак не мог уловить ответ:

– Я многое упустил из того, что мне дано. Большинство думает, я черствый, бездушный, скупой, мне и кличку дали – Кувалда. А я любил и люблю работать, знаю, сколько стоит заработанная копейка, чтобы просто так ее разбазаривать, знаю, что наступают плохие времена и никто не подаст ни рубля, все умеют только требовать и брать. А когда на тебе одном лежит ответственность за все, что ни произойдет, когда от тебя зависят сотни людей, тут уж не до сюсюканья. Вот так я и остался один. Вокруг толпа, а я один. Может, что-то делал не так, но я обычный смертный... хотя необычный, потому что мне не прощают ни успехов, ни поражений. Мертвую собаку никто не пинает, а меня можно.

– Да чё ты, Юрьич? – наконец понял Панасоник, о чем так долго говорил Валерьян Юрьевич. – Чё расстроился? Жив и – слава богу, ага. А я сделаю, чего скажешь, тока... плохо буду делать, ой, плохо.

– Вот и хорошо, что плохо, – улыбнулся Валерьян Юрьевич, покосившись на него. – Мне нужны твои документы.

– Так это... дома они. Давай на катере смотаемся, я живу у берега.

– Поехали! А знаешь, Панасоник, у нас может получиться славная шутка.

Залезли в катер...

Завтракали вчетвером, Павлик заявился под утро, не прилег, сонный сел за стол. Именно он изображал покойного мужа Гертруды, натянув тончайший чулок на лицо. Главное, создать атмосферу, в которой бабочка покажется носорогом. Алик посматривал на Лилю, которая как бы ушла в себя, только блуждающая улыбка время от времени появлялась на ее лице, а это опасный симптом. Если ее посетит идея – туши свет и прячься, не остановит никто и ничто. Лиля, как средневековый таран, будет переть к цели.

– Я простудился, – констатировал Марат, опустив нос в чашку с чаем. – У меня насморк. Может, температура поднялась. И кашель начинается.

– С чего бы? – фыркнула Лиля. – Теплынь стоит не майская.

– Я час провел в холодной воде. Хоть и не майская теплынь, а вода холоднющая.

– В костюме, который был на тебе, плавают аквалангисты во льдах, – возразила безжалостная Лиля. – Хватит ныть, ты мужчина. Пашка, как там твоя каракатица, спеклась?

– Печется, – невесело ответил тот. – Начинайте с ней работать, мне уже немоготу.

– Начнем, как только получим заявку. Знаете что, я навещу Гертруду, спрошу, беспокоит ли ее призрак мужа, ну и коснусь проблем ее подруги. А ты, Паша, с сегодняшнего дня приступай к следующему объекту.

– А перерыв мне не полагается? – не обрадовался новому заданию Паша. – Я устал, отдохнуть хочу.

– На том свете отдохнем сколько пожелаем. – Лиля сходила в свою комнату, принесла картотеку в коробке и принялась перебирать листы. – Мы тоже устали, вкалываем без выходных. И заметь, Паша, у нас более сложная работа – почти разведцентр, к тому же мы придумываем фокусы... А, вот она, держи красотку.

Паша взял лист с фотокарточкой, кисло поморщился:

– Меня заранее тошнит от нее.

– Неудачная фотография, на самом деле она супер, – была неумолима Лиля. – Зовут Изольда, блондинка, богатая вдова. Золотом обвешана, как витрина ювелирного бутика. Мужа застрелили полтора года назад, он был сначала братком, потом стал очень уважаемым бизнесменом, с которым считались местные власти. Заведовал фермерскими хозяйствами, выращивал овощи и выпускал консервы, конечно, не сам. Его первая жена повесилась. У Изольды

крепкие нервы, говорят, он лупил ее нещадно, и ничего, выжила. Не исключено, что она и заказала мужа...

– Не хватало, чтобы и меня уколошила, как напоминание о муже.

– Глупый. Женщина она молодая, тридцать пять всего, любовников не имеет...

– Кому нужна такая корова? И богатства не захочешь.

– ...Наверняка ночами плачет от тоски, – не унималась Лиля, – так что твои шансы сто-процентные. Перед такой красотой, как у тебя, ни одна не устоит. Высок, строен, блондин с небесными глазами. Нет, природа несправедливо отдала тебе все достоинства мужчины. В общем, поспи до вечера – и вперед.

– Да что там, повезло тебе, – поддержал ее Марат. – Я бы с удовольствием на твое место...

– А я на твое, – буркнул Паша.

– Лилька не пускает, – вздохнул Марат. – Шансов у меня нет.

Она забрала у Паши карточку, хихикнула:

– Послушайте, как он ее называл: «Котеночек мой шелковый. Цыпуля. Лапа, лапуля, лапонька. Мышка-норушка. Кисонька, кисуля...» Я бы, как первая жена, удавилась. О, вот интересно! Грудь Изольды он называл «мой малыш», кстати, у нее седьмой номер бюста. Но его лексика во время ссор ни с чем не сравнима. «Чуня. Чучундра. Жиртрест». Почему-то «Оклахома» и «Барахолка». Видимо, особые ассоциации возникали, когда он злился. Паша, выучи наизусть и действуй. Наша мышка-норушка весом сто пятнадцать кэгэ при росте метр шестьдесят четыре поживает, по вечерам часто заходит в бары.

– Ммм! – страдальчески протянул Паша. – Я чувствую себя жертвой.

– Ну, мне пора, я побежала...

– Куда? – подскочил Алик.

– У меня есть еще обязанность клиентов принимать, не можем же мы заниматься только плановыми призраками. Нам нужно всех обласкать и помочь.

Алик двинул за ней в комнату с угрозами:

– Только попробуй связаться во вчерашнюю бойню, я тебя... я тебя...

Лиля подступила к нему, встав нос к носу, и коварно улыбнулась:

– Ничего ты мне не сделаешь. И потом, с чего ты взял, что я вяжусь? У меня мозги на месте.

Он сжал губы, кулаки тоже и процедил, негодуя:

– Мозги у тебя на месте, но вывернутые наизнанку. Повторяю: не лезь. Я как вижу, что ты думу думаешь, а глаз останавливается, как у крокодила перед добычей, мне становится не по себе. Призраков, куда ни шло, нет, а убийцы есть. Помни об этом.

Лиля чмокнула его в уголок губ и обнадежила:

– Не волнуйся, будем работать с призраками.

Но она солгала ему. Лиля поехала выяснять, кому принадлежат номера машин. Это же ничего не значит, просто узнает и все... может быть.

6

Заведующую кадрами Валерьян Юрьевич вызвал на дом, заказав для нее по телефону такси. Он уединился с ней в кабинете, тщательно закрыв двери, и попросил об услуге, а просьбы с его стороны воспринимались всеми без исключений как приказ. Сорокалетняя Ирина, женщина приятная, мать троих детей, типичная наседка, но главное – исполнительная и аккуратная, работала у него давно, ей он доверял, тем не менее не объяснил причину столь странной просьбы.

– Я... – потерялась она, – посмотрю, если есть место в регистрационном журнале...

– Нет, Ириша, задним числом, со всеми полномочиями. Напиши заявление сама и сейчас, подпись сегодня будет.

– Ну... ну, хорошо. – По-другому она не осмелилась бы поступить, но беспокойство взяло верх, Ирина робко попыталась внести ясность: – А почему...

– Ириша, так надо, – не дослушал он. – Запомни: что бы тебя ни удивило, как бы ни разворачивались события, молчи. Я так захотел – вот твой ответ всем коршунам. И о нашем договоре никому ни слова, никогда.

– Обижаете, Валерьян Юрьевич.

– Вот и ладно. Я знаю, что на тебя можно положиться.

Далее Валерьян Юрьевич начал подготовку к грандиозному, авантюрному и хитроумному плану. Действовал тайком, ни одного звонка в присутствии домашних не сделал, вообще, при них вел себя так, словно расстрел его автомобиля ему до лампочки.

Приехали из милиции, писали протокол, выясняя, каким образом в его джипе оказались посторонние люди, будто он виноват, что их застрелили.

– Тормоза полетели, – объяснял Валерьян Юрьевич довольно спокойно. – Я торопился попасть домой, а Толкунов и Блюмер, которых я пригласил на новоселье, обещали доставить джип вместе с собой, как только закончат работу.

Следователь по фамилии Береговой задал глупейший вопрос:

– Кого вы сами подозреваете? Кто сделал на вас заказ? Надеюсь, вам понятно, кому назначались пули? А убийц было как минимум двое, пули и гильзы от двух автоматов.

Валерьян Юрьевич развел руками. А что он мог сказать?

Минуло два дня, настал миг выйти наружу. Состояние ужаса перед смертью вряд ли удастся описать, разве что гению. Валерьян Юрьевич далеко не гений, да и вообще к литературе не имеет отношения, он даже читал редко, но четко уловил в себе перемены перед выходом из дома – ему нужно было съездить в банк. Уловил и анализировал, что с ним происходит, облекая в слова свое состояние. А его просто мутило от страха, и, еще не выехав из дома, он видел за каждым деревом убийц, сладковатый комок подкатывал к горлу, тем временем внутри образовывалась пустота, как будто его уже не стало. Не верилось, что пуля может перенести в подлинную пустоту, а не виртуальную, но, как показывает практика, это реально, поэтому его мыслящий аппарат настроился на единственную волну – на спасение. Зато домашние ограничились сочувствием и несколькими бездарными советами, на том их озабоченность закончилась, видимо, они думали, что он бессмертный.

Имея запасной автомобиль, Валерьян Юрьевич не рискнул сесть за руль, вызвал такси, просил машину побольше, иначе не поместится, приехала «Волга». Втискиваясь в салон, он вдруг услышал:

– Лерик, ты куда?

Валерьян Юрьевич взглянул вверх – жена уперлась руками о балюстраду, была готова слететь вниз без крыльев и парашюта. Она боится, его убьют. Точнее, боится, что без него ее погонят метлой, не выдав выходного пособия.

– Проветрюсь, – ответил он, усаживаясь рядом с водителем.

– Лерик, тебе опасно выезжать!

– Чему быть – того не миновать, – крикнул он в открытое окно и отдал команду водителю, ощупывая пистолет в кармане пиджака: – В банк на Спартаковскую.

Лиля делила людей на полезных и мусор, соответственно с полезными поддерживала знакомство, мусор отметала в сторону, даже чай пить не садилась, не желая понапрасну тратить время. Полезный Кеша запаздывал, она допивала вторую чашку кофе и доедала пирожное, глядя в окно, откуда открывался обзор на парковку у кафе. Лиля не психовала, что уже полчаса

прождала, все эти нервные бзики свойственны неврастеничкам, к коим она себя не причисляла. Лиля отлично владела собой, любому мужику даст сто очков вперед, именно потому, что к слабому полу отношения не имеет (между прочим, и не мужичка), ей удалось установить в группе матриархат в разумных пределах.

Приехал-таки! Кеша припарковал иномарку, интересно, откуда у заурядного мента классная машина? Но ехидная мысль мелькнула и унеслась, Лиле важно, смог ли Кеша добыть сведения. Он плюхнулся на стул, повел носом:

– Кофе балуешься? А я не пью, сердце от кофе тархтит.

– Привез? – спросила Лиля.

Кеша достал из нагрудного кармана сложенный вчетверо лист, Лиля хотела схватить, но Кеша отвел руку назад:

– Подожди. Один из интересующих тебя номеров принадлежит очень крупному дяденьке, на которого было на днях покушение.

– Правда? – округлила глаза Лиля. – На джип покушались?

– Откуда тебе известно? – подался он к ней.

– Пф! – фыркнула Лиля. – Вот не надо на меня смотреть, будто это я устроила покушение. Чересчур крутой джип, таких в городе мало, а покушаются только на крутые тачки, вот и вся песня. За мной ездил этот джип, номер которого я тебе продиктовала, провожал до дома после работы. Нет, не приставал, но что у него на уме? Такие себе позволяют все. Номер я запомнила, собиралась жене джипа настучать, чтобы отстал от меня. Так его... грохнули, да? А я хотела поиметь с жены за сведения...

– Не торопись с женой состыковываться, – отдавая лист, сказал Кеша. – У джипа бабок вагон и маленькая тележка, с него ты больше поимеешь, раз он запал на тебя. Рыбный магнат, дорогуша, провожал тебя домой, если не врешь.

– На фиг мне врать? Но его же пиф-паф?

– Не получилось, не было его в джипе.

– Тогда мне повезло.

– Это точно. У нас как говорят: сумка рыбы – сумка денег, но, по слухам, он скряга. А второй номер?

– Ай, – отмахнулась Лиля, читая фамилии. – Это так... Задел мою машину и смылся, гад. Ремонт мне обошелся в десять штук! Квитанции есть, пусть оплатит.

– Как же, оплатит! Не смейся.

– Плохо меня знаешь, – заулыбалась Лиля, не отрывая глаз от листа. – А не получится... попытка – не пытка, так ведь? Кеша, ты и адреса написал? Умница. Держи премию.

Она положила сто пятьдесят евро на стол, Кеша выпятил губу:

– Это еще что? Я же по-дружески.

– А я по-деловому. Ты затратил время, силы, воспользовался служебным положением. Может, мне еще придется к тебе обратиться, ты должен знать, что имеешь дело с порядочной женщиной.

Он смахнул деньги – чего ж не взять, раз дают? – попрощался и вышел из кафе. Лиля помахала ему, когда Кеша выезжал с парковки, после опустила глаза в лист, лежащий на столе.

– Значит, жив... Вот теперь есть о чем подумать.

Ужин, как в санатории – по часам, подавала Степановна, которой Светлана велит одеваться в белый фартук с рюшами и чепец, а зовет Зиной, будто бабка ей ровесница. Быстро люди усваивают барские замашки, не понимая, что становятся смешными, изображая аристократов, и глупыми, когда под мантией аристократизма проглядывает дешевка, а еще точнее – плебейство. Валерьян Юрьевич не выносил всего наносного и фальшивого, ненавидел при творство, ценил либо за ум, либо за умение работать не покладая рук. Но его тягу к простоте

никто не понимал и не принимал, поэтому он замкнулся. Сейчас положение Валерьяна Юрьевича осложнилось, потому что в минуту смертельной опасности он фактически остался один, не веря ни собственным детям, ни тем более их вторым половинам.

– Папа, – нарушил царственное молчание за трапезой Владимир, – я сегодня звонил в милицию, им до сих пор не удалось напасть на след убийц.

Ну и зачем он это сказал, если новостей нет? Хотел продемонстрировать заботу об отце? Валерьян Юрьевич отодвинул тарелку, сложил локти на столе и спросил без издевки:

– Думаешь, убийц найти проще простого? Сам бы попробовал.

– Они за это зарплаты получают, – возразил сын. – А время играет важную роль. Если менты будут тянуть кота за хвост... Ты куда, папа?

– Прокачусь на катере. Засиделся я дома.

– Неразумно становится добровольной мишенью, – сделал замечание Мирон.

– Уже стемнело, вряд ли меня можно разглядеть с берега, кстати, до середины реки пуля не достанет.

В прихожей Валерьян Юрьевич надел куртку, бейсболку, но только открыл дверь, как его остановила Степановна:

– Валерьян, чего это ты удумал по ночам на катере разъезжать, когда дождь накрапывает? Шел бы к телевизору, оно так спокойней.

– Не ворчи. Я решил прогуляться и прогуляюсь.

– Решил он! У вас тут все не как у людей, чужаками живете. Не бережешь ты себя, на рожон лезешь и слушать никого не желаешь. А зачем рюкзак приготовил, сумку дорожную куда выносил? Куда собрался?

Кругом шпионы, не чихнешь, чтобы этого не заметили! Валерьян Юрьевич поднял указательный палец к ее любопытному носу и произнес внушительно:

– А вот это, я имею в виду рюкзак и сумку, тебе показалось. Ты хорошо поняла меня?

– Чего ж тут не понять – ничего не видела. погоди, термос с чаем принесу на дорожку.

Валерьян Юрьевич дождался, когда она принесет термос, вторично делать внушение не стал, она дорожит местом и уважает его, Валерьяна, не продаст. Степановна приехала из Молдавии, на пенсию там одной невозможно жить, несколько лет служит ему верой и правдой. Когда Светка намерена была поменять кухарку на молодую и расторопную, Валерьян Юрьевич бахнул кулаком по столу со словом «нет». Должен же он иметь в доме хотя бы одно преданное существо.

А погода дрянная, притом испортилась внезапно, как часто случается поздней весной, в воздухе пахло грозой, похолодало значительно, не говоря о ранних сумерках. Валерьян Юрьевич нахлобучил капюшон, залез в катер, завел мотор и, глянув на дом, возвышающийся на пригорке, словно попрощавшись с ним, решительно взялся за руль.

– Ай, пустите нас, Гертруда Викторовна, – торопила Лиля. – Дождь полил сильный.

Дверь распахнулась, Алик, Лилия и Марат вбежали в дом. Попав на веранду, стряхнули с себя капли, не успевшие промочить одежду.

– Не ждала вас, – растерялась Гертруда.

– Мы приехали узнать, не беспокоит ли вас призрак мужа, – сказала Лилия. – Заодно проверим, надежно ли закрыт портал.

– Что ж, проверяйте, – с неохотой согласилась женщина, явно опасаясь, что за проверку потребуют еще денег, а платить не хотелось. – Но уверяю вас, муж больше не дает знать о себе.

– Это радует. – Лилия догадалась, что волнует хозяйку, и поспешила ее успокоить: – Проверить мы обязаны, услуга бесплатная, да и времени мы много не займем.

– Пожалуйста. Может, чайку согреть?

– Не откажемся, – доставая какие-то датчики и компас, улыбнулся Алик. Собственно, приехали они с определенной целью, замаявшись ждать подругу Гертруды Викторовны, с которой ударно работал Паша.

Пока закипал чайник, Алик с Маратом, держа приборы, обошли дом и обрадовали хозяйку: чисто. Она накрыла на веранде, так захотела Лиля: мол, приятно посидеть в уютном уголке, не только слушая шум дождя, но и видя через стеклянную стену струи, льющиеся сверху – очень романтично. Как бы невзначай гостя затронула нужную ей тему:

– А у нас вчера был сложный случай, неделя потребуется на восстановление сил.

– Интересная у вас работа... – разливая чай, заметила хозяйка. – Правда, я ни за что не согласилась бы иметь дело с призраками.

– Это в быту сущностей из параллельного измерения называют призраками, – вступил в диалог Марат, ибо Лилия вечно упрекает его, что он мало приносит пользы. – А наука подходит к ним с материалистической точки зрения, фактически доказав существование иных миров. Физики Скотт и Фаулер стали первыми в данной области. Они взглянули на проблему аномальных явлений непредвзято, без суеверных предрассудков и атеистического настроя. Они же изобрели и первые приборы, фиксирующие сущности.

– Никогда не слышала, – поежилась Гертруда Викторовна. – Сама впервые столкнулась со странностями.

– Впервые? – подхватила Лилия, чувствуя, что настал миг развернуть тему. – Разве не вы говорили, будто ваша подруга страдает от сущности с того света? Или я ошиблась?

– Нет, не ошиблись, – замялась женщина. – Проблема в другом...

– В чем же? – заинтересовалась Лилия.

– Видите ли... – Гертруда Викторовна кинула взгляд на мужчин и заговорила стеснительно: – К ней является бывший гражданский муж, как она рассказывает. Он сел пьяный за руль и погиб, врезавшись в газетный киоск. Так вот он приходит... В общем, не совсем он, но она точно знает, что это он... Мне трудно объяснить. Короче, эта сущность... из портала... спит с ней.

– То есть совершает сексуальное насилие, – не удивилась Лилия.

– Совершенно верно. – А вот Гертруда Викторовна изумилась до крайности, ведь то, что она рассказала, находится за пределами здравого смысла. – Подруга боится о нем говорить, люди подумают, что у нее крыша поехала.

– Это инкуб, – сказала Лилия с такой интонацией, будто к подруге Гертруды приходит сам дьявол, а лично она с ним на короткой ноге.

– Кто-кто? – вытаращилась хозяйка дома.

– Призрак мужского пола, – пояснил Алик. – В переводе с латыни – ложиться на... Опасен тем, что вытягивает жизненную энергию из сексуального партнера.

– Он же призрак! Как он может заниматься сексом с живой женщиной?

– Обычно инкуб берет подходящее тело у человека, тот об этом даже не догадывается, – опередила Алику Лилия. – Если вы днем расскажете этому человеку, что ночью он с вами вступил в сексуальный контакт, он вызовет психиатра. Разумеется, вам. Да вы почитайте, сейчас выпускают много литературы на данную тему.

– Я сдвинусь, – в замешательстве произнесла Гертруда Викторовна. – И что, этот... инкуб... опасен?

– А как вы думаете? – хмыкнул Марат. – Долго протянет человек, если из него высасывают жизненную силу?

– Неужели? – взялась за грудь хозяйка. – А Дашенька не хочет его прогонять, в этом и есть проблема.

– Как это – не хочет? – Лицо у Лили вытянулось, Марат с Аликом вытаращили глаза.

– Ну... ей нравится с ним... вы меня понимаете? Говорит, пусть он будет хоть чертом, ей наплевать, мол, на том свете он только качественней стал, то есть приобрел мужские способности.

– Тогда вашей Дашеньке жить осталось недолго, с годик протянет и все, – поднялась Лиля. – Мальчишки, нам пора. Спасибо за гостеприимство.

До авто добежали, накинув на головы куртки, Марат, едва забравшись в салон, начал безудержно хохотать:

– Перестарался наш Пашка! Как бы нам не пришлось его спасать от любвеобильной Дашеньки, которая вытянет из него всю энергию.

– Не смешно! – огрызнулась Лиля. – Столько времени потратили, а эта дура...

– Она не дура, – возразил, хохоча, Марат. – Просто пользуется моментом. Куда ты?

– На кладбище, – рявкнула Лиля.

– Что там забыла? – поднял плечи Марат. – Гроза вон начинается...

– Самое подходящее время. Еще не глубокая ночь, а в такую погоду людям, работающим в городе, захочется, возвращаясь домой, сократить путь. Сегодня, сейчас наш день, нет ничего убедительней призрака во время стихии, парящего над могилами.

– Алик, она и грозы не боится! – всплеснул руками Марат. – Может, и вправду ведьма? Учти, Лилька, я не пойду под дождь, тем более на кладбище. После заплыва у меня насморк до сих пор... И вообще, кладбище, гроза... мне не того.

– Трусишь? – поддела его Лиля.

– И трушу, а что тут такого? Лично мне никто не доказал, что покойники не встают из могил. Особенно ночью. Особенно в грозу, когда сверкают молнии.

– Ну и сиди в машине, без тебя обойдемся.

Валерьян Юрьевич думал, что Панасоник слабак, в грозу не поплывет, но, увидев огонек фонаря, закричал, размахивая руками:

– Сюда! Я здесь!

А Панасоник – человек слова, раз сказал, что приплывет, то никакая стихия ему не мешает. Он греб веслами изо всех сил, подкрепляя гребки междометиями, к счастью, волн не было, а то не удалось бы пришвартовать лодку к катеру. Валерьян Юрьевич закрепил веревку, кинул Панасонику рюкзак, баул, открыл термос и поставил его на сиденье, рядом положил крышку и, распаковав, уложил бутерброды. После он спрыгнул в лодку, отвязал веревку и сказал:

– Готово. Грести сам буду.

Они менялись местами, когда вдруг сверкнула молния, будто рядом с лодкой произошел разряд, Панасоник в плащ-палатке образца сорок третьего года прошлого века чуть не упал в воду, запутавшись в полах:

– Ой, ё!.. – Раздался оглушительный раскат грома, Панасоник съехался. – Ё-моё! Гребки, Юрьич, а то по нам врежет. Ишь, непогода разгулялась. Катер не жалко бросать?

– Жизнь дороже.

Валерьян Юрьевич потер ладони о колени и взялся за весла. Вокруг плескалась и подпрыгивала вода, как живая, на дне лодки образовалась лужа, а ему стало весело, он с воодушевлением работал веслами. Вскоре огни на катере растаяли в завесе ливня, Панасоник же, вглядываясь в берег, который надежно укрывала стена дождя, попросил:

– Ближе подгребки, а то не видать ничего. Лодку я взял за столбик, у меня своей нету, поставить ее надо на место. А мы пешком через верх отправимся.

– Почему через верх?

– Не пройдешь берегом, камышом все заросло, за ним крутой подъем в гору, а тропок там нет, только сразу за лодочной станцией. Гребь, гребь, ага. Я скажу, куда причалить. Ты по кладбищу ночью не ходил?

– Нет.

– А придется. – Панасоник засмеялся и закашлялся одновременно.

7

Марат втягивал голову в плечи во время сверкания молний и раскатов грома, потом бурчал, мол, все люди как люди, у теликов сидят, в такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит, а им неймется. Лиля переодевалась в наряд призрака, игнорируя бурчание, нацепила черную маску на лицо, накрылась курткой и смело вышла под дождь, приказав Марату:

– Свет в салоне не включай.

– Хочешь, чтобы я умер от ужаса?

– Наоборот, – невинно улыбнулась она. – Покойники выйдут из могил и не заметят тебя, мимо пройдут.

Хихикнув, Алик последовал за ней. Блуждая по кладбищу, Лиля выбрала самую высокую точку – надгробие с огромным каменным крестом, после чего встала с Аликом под дерево в ожидании путников. Не мокнуть же зря под ливнем.

– Подсветку взял? – спросила она.

– Какая, к черту, подсветка? Хочешь, чтобы на тебе замкнуло? Молнии сверкают, вот тебе вся подсветка, так даже натуральней. Кстати, во время грозы под деревьями нельзя стоять, чаще всего молнии попадают в деревья.

– Думаю, молнии обходят стороной это место в отличие от людей.

Оба рассмеялись.

Когда Валерьян Юрьевич с Панасоником поднимались по склону, навстречу им двигались два молодых человека с цилиндрическими рюкзаками за плечами. Тот, что шел вторым, всю дорогу недовольно бубнил, словно старая бабка:

– Неподходящее время ты выбрал. Что мы там разглядим? Ни хрена, вот попомнишь. В ненастье окна закрывают наглухо, носа не высовывают...

– Заглохни, – беззлобно бросил через плечо первый, продолжая путь. – Самое подходящее время для разведки – непогода.

– Следы только оставим... Ноги глубоко проваливаются в грязь.

– Ливень смоем, – бросил через плечо первый. – Посмотрим на расположение, а повезет, так и закончим дело. Иди за мной, я знаю, что делаю.

– Чё ты раскомандовался? – завелся второй. – Чем тебе не нравится сухая погода?

Терпение у первого кончилось, он остановился, повернулся ко второму. Казалось, он сейчас врежет партнеру, но ничего подобного не случилось. Его флегматичный голос перемешался с раскатами грома:

– Тем, что подобраться близко не сможем. Риск большой: в хорошую погоду кто-нибудь обязательно вылезет из дома подышать свежим воздухом, а сегодня гуляй кругом, хоть по крыше – никто носа не высунет, тут ты прав. Не забывай, он теперь никуда не выходит. Нам остается сделать его прямо в гнезде. А чтобы второй раз не ошибиться, надо присмотреться к усадьбе, пошастать там, все входы и выходы разведать, где и какие деревья растут, а также вычислить, откуда удобнее пустить пулю наверняка. Идем, погодка нам в помощь.

– Ладно, Гаррик, тебе видней, – тронулся в путь второй. – Ну и холодрыга...

– А ты думай о бабках, которые получишь, это согревает.

Яркая вспышка молнии осветила кресты, подернутые из-за дождя дымкой, и кое-где деревца, блестящие мокрой листвой. Второй снова приостановился:

– Слушай, мы же на кладбище попали. Ты не сбился?

– Нет, так короче. – Первый усмехнулся. – Что, Дрозд, очко сузилось? Не трясись, мертвецы – народ спокойный, про нас никому не расскажут.

– Сам не трясись, я ни в бога, ни в черта не верю.

– Это правильно, но верить надо. В судьбу.

– Можно было ближе подъехать, столько топаем...

Не заметив автомобиль в густых кустах сирени, оба прошли мимо, тогда как Марат не дышал в салоне, отчетливо слыша голоса, – окно было открыто, до этого он курил. По диалогу и дурак догадался бы, что за личности пересекают кладбище и какова их цель, а Марат, слава богу, умом не был обделен. Наплевать на того, кого они хотят «сделать», но в глубине царства мертвецов Лилька с Аликом, чем этим двум романтикам грозит встреча с отморозками, которых вряд ли смутит дурацкими фокусами?

Голоса потонули в шуме ливня, Марат приоткрыл дверцу и выглянул, высунувшись под естественный душ. Вдаль уходили две внушительные фигуры, да им пара пустяков перебить хребет хоть человеку, хоть медведю, хоть призраку. Проглотив комок страха, Марат достал петарды и дымовые шашки, которые охотники на привидений возили с собой на тот случай, если попадутся непугливые люди, на которых не подействует их представление. Почему-то Алик шашки не взял, то ли забыл, то ли понадеялся на природную декорацию – молнии, дождь, кладбищенский простор. Тут и неверующий в черт-те что поверит. Не захватив фонарика, чтобы его не заметили отморозки, Марат пробирался за ними, спотыкался, под ногами чавкала грязь, а жуть кругом стояла невообразимая...

Алик толкнул Лилу, подпрыгивающую на месте, чтобы согреться:

– Стой! Кажется, идут... Точно, идут!

– Люди? – замерла та.

– Нет, покойники вышли проветриться, – съязвил он. – Фонарик видишь?

– А, вижу, вижу... Ой, и с другой стороны фонарик! (Сверкнула молния.) Их двое!

– И с той стороны двое. Толпа, можно сказать.

– Ну, Алик, начнем представление? Ой, весело будет... Чует мое сердце, клиенты к нам повалят толпами.

– Твоими бы устами...

Она сбросила ветровку, отдала ее Алику и, запрыгнув на довольно высокое надгробие, встала за каменным крестом, чтобы ее не сразу заметили. Лиля выжидала, когда четыре человека подойдут на достаточно близкое расстояние, ведь внезапность делает свое черное дело.

– Ни зги не видно, – сетовал Панасоник. – Вот ведь люди, имею в виду тутошние власти, ни одного фонаря не поставили! А народ ходит здесь... оно ж от автобусной остановки напрямки короче, ага. Особенно зимой плохо, темнеет-то рано...

Фонарик в руке Валерьяна Юрьевича вдруг погас, он остановился.

– Батарея села? – осведомился Панасоник.

– Нет. Впереди кто-то идет. Видишь луч?

– А, да-да, вижу. Я думал, в грозу никто не пойдет по кладбищу. Может, эти... гробокопатели идут? Говорят, могилы разрывают, ищут золотые зубы у трупов и... ну, там еще чего хорошего. Ага.

– Пошли?

– Ну, пошли, – несмело зашагал Панасоник. – Натоптанная дорожка тут одна... Может, обождем за кустами, нехай пройдут, ага?

– Да нечего нам бояться, – хорохорился Валерьян Юрьевич, правда, он тоже не ощущал себя храбрецом в такой непривычной обстановке.

Вообще-то каждому стало бы не по себе, встретить он ночью на кладбище прохожих, все же не бульвар. А прибавить грозу, превращающую погост в зловещее место, затем на короткий миг в сплошной сумрак, так совсем нехорошо заносит в груди и засосет под ложечкой у самого ярого атеиста. Шелест листвы покажется потусторонним шепотом, а за деревьями почудится по жмурику, караулящему добычу, чтобы утащить ее в преисподнюю чертям на радость.

Парочка молодых людей тоже заметила приближающихся двух странных особей, причем одна из них в балахоне с капюшоном, напоминающем одеяние бессмертной Косой тетки, вторая габаритами – вылитый Голиаф. Оба невольно замедлили шаг, готовясь, если понадобится, к отпору, но в подобных ситуациях реакция замедляется, как у пьяного водителя.

На расстоянии шести-семи метров друг от друга четверка, не сговариваясь, остановилась, словно обе пары ждали, кто соизволит уступить дорогу. Молодой человек по кличке Гаррик вскинул фонарик, полоснув лучом по лицам путников напротив, Валерьян Юрьевич закрылся рукой, потребовал:

– Убери свет.

– Деды, – усмехнулся Гаррик, расслабившись.

Проведя сознательную жизнь в лишениях, как считал Гаррик, он постиг узловый постулат: кто сильнее, тот и прав. Неважно, кто перед тобой, главное – самоутвердиться, ощутить себя человечеством. Впрочем, желание это было неосознанным, но присутствовало оно постоянно. Это как психологическая тренировка, поддержка формы, чтобы не заискать, не колебаться в ответственный час. А час наступил непредвиденный, удачней не бывает, если бы только Гаррик понял, кто именно встретился ему, но... Валерьяна Юрьевича он видел только издали и при свете дня, разумеется, не узнал его в темноте, даже фонарик не помог.

– Гляди-ка, несуну, – доброжелательно произнес Гаррик, опуская фонарик, но в его тоне без труда читалось: прикалывается. – Много натырили, деды?

– Сколько ни есть, все наше, – сказал Валерьян Юрьевич, чувствуя, что дело пахнет мордобитием, потому сбросил с плеч рюкзак и поставил его на землю.

– Показывайте, чего натырили, – угадал настроение напарника Дрозд.

– Пацаны, – переминался с ноги на ногу Панасоник, – вы это... идите себе, мы себе. Ага.

– Ты, дед, будешь мне указывать, куда ноги делать? – наступал на него Дрозд, получивший повод к агрессии. – Щас последние зубы выбью.

– Полегче, полегче. – Валерьян Юрьевич тоже сделал шаг вперед, а Панасоник чуть отступил. Скинув с плеча баул, он начал закатывать рукава.

Дрозд тоже сбросил рюкзак, кинув его рядом у ног и приготовившись поупражняться в боксе, как и Гаррик, который замахнулся, чтоб врезать Голиафу. Ему захотелось проверить, хватит ли сил с одного раза уложить здорового дядьку. Однако сверкнула молния, и Валерьян Юрьевич заметил замах, не раздумывая, опередив парня, он ударил его в лицо даже не кулаком, всей пятерней, плашмя. Гаррик только охнул и упал навзничь. В это время Панасоник ужасающе заорал, хрипло и надрывно:

– Гляньте!!! А!!! Гляньте!!! А!!!

На темном фоне белело нечто длинное, разобрать было невозможно. Невозможно до следующей вспышки молнии. Когда же она сверкнула, даже приподнявшийся на локтях Гаррик, трясший после удара головой, увидел женщину в белом на фоне огромного креста. Белый балахон облепил ее фигуру, а лица... лица не было! Вместо него черное пятно! В наступившей темноте снова просматривался только ее силуэт, с которого, пытаясь понять, что это может быть, не сводили глаз четверо мужчин. И еще раз молния осветила крест с женщиной без лица... Раскат грома пролетел над кладбищем...

Днем все не верят в чертовщину, посмеиваются над суеверными людьми, а ночью, на кладбище, в исключительно мистической обстановке... Дрозд дико заорал, кинувшись к напарнику:

– Мертвец!!! Гаррик, мертвец!!!

Валерьян Юрьевич попятился, чувствуя, как заиндевело нутро, а Панасоник крестился:

– Свят, свят, свят... Спаси и сохрани... Сгинь, сгинь... – но при этом не забыл схватить баул.

Гаррик, замороженный непонятным зрелищем, поднялся и процедил, доставая нож:

– А вот мы сейчас посмотрим, что это за мертвец...

Он двинул прямо к кресту, на нем повис Дрозд:

– Не надо! Не ходи! Это плохой знак...

– Да пошел ты! – оттолкнул его Гаррик. – Щас перышком поддену...

Внезапно нечто шипящее и дымящееся упало между ним и могилой, Гаррик невольно шарахнулся назад. Затем раздался взрыв, второй, и это все при раскатах грома. Воспользовавшись замешательством парней, насмерть перепуганный Панасоник толкнул Валерьяна Юрьевича:

– Бежим бегмя?

Но и Дрозд потянул за руку Гаррика:

– Ты охренел? Жить надоело? Уходим! Или я один уйду!

Валерьян Юрьевич подхватил свой рюкзак, помчался за Панасоником. Гаррик решил не испытывать судьбу и, подчинившись Дрозду, рванул с ним в другую сторону, то есть туда, куда они направлялись с самого начала...

Не разобрав, что это стреляет и дымится, Лиля сама изрядно испугалась, взвизгнув, юркнула за крест и присела. Какое-то время шум ливня разбавлял грохот грома, потом робкий голос Марата позвал:

– Лилька! Алик!

Она выглянула из-за креста, различила одинокую фигуру, но не подала голоса, боясь ошибиться. Рядом с ней очутился Алик, крикнул в темноту:

– Марат, ты?

– Не ори, – двигаясь к ним, сказал тот. – Они недалеко ушли. Как вы?

Алик набросил ветровку на Лилю, она поднялась с корточек и опасливо спросила:

– Что это стреляло?

– Петарды, – ответил Марат. – Я вам такое расскажу... Ой, блин!

Он споткнулся о некий предмет, упасть не упал, но руками коснулся мокрой земли. Когда выпрямился и собрался подойти к ребятам, нога за что-то зацепилась, он снова чуть не упал. Наклонившись, ощупал ногу, которая зацепилась за лямку небольшого рюкзака из плотного материала, Марат поднял его – тяжелый, к этому времени к нему подошли Лилия с Аликом.

– Дергаем отсюда? – предложил Марат.

Троица побежала к автомобилю.

Внизу Гаррик притормозил, отдышался. Ему стало неловко перед Дроздом, что позволил себе слабость и дал деру, словно трус. С другой стороны, вся эта бесовщина на кладбище не укладывалась в голову, даже у него поджилки затряслись, а Гаррик не из пугливых.

– Давай отложим поход? – поступило предложение от Дрозда. – Честно скажу, я в себя прийти не могу.

– Нет, – сказал Гаррик. – Передохнул? Ноги в руки и – вперед.

– Только не надо передо мной выставляться крутым, – прорычал Дрозд. – А если ты такой крутой, то объясни: что это было, что?

– Слушай, припадочный, психи не распускай, – на спокойной ноте сказал Гаррик. – Что там было, я не знаю, но нам оно ничего не сделало. Ты живой? Вот и радуйся.

Не всегда логика доходит до души (особенно, когда ее нет, как нет и средних умственных способностей), но частично она возымела действие – Дрозд поплелся за Гарриком. Однако приключение на кладбище оставило неизгладимый след, он не мог отделаться от впечатлений, двигался на автопилоте, не сразу понял, что пришли, а расслышал со второго раза:

– Блик дай.

– Какой блик? – очнулся Дрозд.

– Бинокль ночного видения.

Дрозд машинально схватился за плечо, лямку рюкзака искал, но ее не оказалось, он немного озадачился:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.